

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Предпринимательское и трудовое право»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему Порядок, процессуальные особенности и последствия конкурсного производства.

Студент

К.Е. Джунько

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

к.э.н., доцент, Е.В. Чапурина

руководитель

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Содержание

Введение.....	3
Глава 1 Конкурсное производство, как форма судебной ликвидации должника.....	10
1.1 История становления конкурсного производства. Роль ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в регулировании процессов конкурсного производства в современной России.....	10
1.2 Особенности конкурсного производства отдельных категорий должников.....	18
1.3 Упрощенные процедуры несостоятельности (банкротства).....	26
Глава 2 Материальные нормы конкурсного права в делах о несостоятельности (банкротстве).....	37
2.1 Правовое положение должника и его кредиторов.....	37
2.2 Роль уполномоченного органа и арбитражного управляющего в процедуре конкурсного производства.....	46
2.3 Последствия открытия конкурсного производства для бенефициаров должника-банкрота.....	55
Глава 3 Процессуальные особенности рассмотрения дел о несостоятельности банкротстве.....	65
3.1 Порядок открытия конкурсного производства.....	65
3.2 Последствия прекращения и завершения конкурсного производства.....	74
3.3 Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики несостоятельности (банкротства).....	82
Заключение.....	89
Список используемой литературы и используемых источников.....	95

Введение

Актуальность темы исследования. На современном этапе, связанном с непрекращающимися реформами российского гражданского права, одним из его наиболее актуальных и значимых направлений является трансформация комплексного правового института несостоятельности (банкротства), регламентируемого, в первую очередь, посредством положений достаточно объемного Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Несмотря на то, что данный Закон постоянно видоизменяется в сторону совершенствования, большинство участников правоотношений, возникающих по поводу его практического применения, высказывает свое недовольство им. В том числе, указывается, что: кредиторы оказываются не в состоянии полноценно удовлетворять имеющиеся требования; у должников имеется мало возможностей пройти реабилитационные процедуры и восстановить свою платежеспособность; уполномоченные органы (например, Федеральная налоговая служба России), которые выступают кредиторами по обязательным платежам, часто не могут адекватно управлять взысканием долгов; в Закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ регулярно вносятся поправки, на которые не успевают реагировать ни участники гражданского оборота, ни суды; у последних зачастую нет четких указаний, как действовать в конкретных ситуациях.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что институт несостоятельности (банкротства) важно подвергать теоретическому и практическому анализу, в том числе, в целях выявления его положительных и отрицательных черт, на основании чего формировать рекомендации, позволяющие в максимальной степени снижать возникающие в данной сфере разногласия.

Важность исследования именно конкурсного производства вызвана тем, что из всех предусмотренных Федеральным законом от 26 октября 2002 г. №

127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» процедур она является наиболее распространенной. Отмечается, что конкурсное производство применяется в отношении 80% всех должников. Причем, данный показатель не меняется даже тогда, когда в отношении должников реализовывались стабилизирующие меры [91, ст.110].

Представляется, что проблема банкротства (угроза применения конкурсного производства) российских предприятий еще более обострилась на фоне распространения по всему миру коронавируса, признанного Всемирной организацией здравоохранения пандемией. В частности, Т.П. Шишмарева указывает, что в условиях пандемии и после ее окончания имеется риск роста числа должников, которые не смогли преодолеть неблагоприятные условия ведения предпринимательской деятельности, для которых введение процедуры несостоятельности (банкротства) может стать одним из основных средств решения имущественных проблем [118, ст.20]. Насколько данное и иные подобные ему высказывания справедливы, покажет время, когда в ходе рассмотрения и разрешения конкретных дел о несостоятельности (банкротстве) будут установлены реальные причины, повлекшие неплатежеспособность должников: пандемия и ограничительные меры, сложившееся до этого неэффективное управление финансово-хозяйственной деятельностью, стремление избежать ответственности под «прикрытием» форс-мажора и т.д.

В любом случае, изучение конкурсного производства, его материальных и процессуальных особенностей, а также следующих за ним последствий видится актуальной темой.

Характеризуя степень изученности заявленной темы, следует, в первую очередь, указать на ее высокую разработанность, начиная от дореволюционного периода и заканчивая современным. Ученые многочисленным вопросам конкурсного производства уделяют большое внимание. По данному поводу опубликовано значительное количество исследований, как общего, так и специального характера. Постоянно издаются

различные монографии, учебные пособия, статьи. В числе последних по времени можно выделить диссертации: С.А. Карелиной (2008 г.), О.М. Свириденко (2010 г.), С.С. Галкина (2016 г.), К.И. Евтеева (2017 г.), К.Б. Кораева (2015 и 2019 гг.), А.А. Кравченко (2020 г.) и др.

Отдавая должное всем разработкам названных и иных авторов, их теоретическому и практическому вкладу, нельзя не отметить, что постоянное обновление Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», изменяемая в связи с этим судебная практика, тематику конкурсного производства всегда делают актуальной.

Объект настоящего исследования представлен общественными отношениями, которые возникают между неплатежеспособными должниками, их кредиторами и третьими лицами, применительно к различным стадиям конкурсного производства. В свою очередь, в предмет исследования входят нормы российского законодательства (Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и других актов), направленные на регламентацию общественных отношений, складывающихся в ходе проведения процедур конкурсного производства, практика их применения судами, а также научные взгляды, теории, концепции в исследуемой сфере.

Цель выпускной квалификационной работы заключается в проведении комплексного правового исследования сущности и особенностей конкурсного производства, его действующей правовой регламентации (с учетом всех внесенных к настоящему времени поправок), а также в выявлении проблемных и спорных вопросов, которые возникают в правоприменении при реализации соответствующих правовых норм о конкурсном производстве.

Достижение заявленной автором цели вызвало необходимость решения следующих задач:

— изучить основные этапы становления конкурсного производства в России, в том числе, определить роль ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» 2002 г. в регулировании процессов конкурсного производства;

- выявить особенности конкурсного производства отдельных категорий должников;
- представить общую характеристику упрощенных процедур несостоятельности (банкротства);
- обосновать правовое положение должника и его кредиторов;
- установить роль уполномоченного органа и арбитражного управляющего в процедуре конкурсного производства;
- изучить последствия открытия конкурсного производства для бенефициаров должника-банкрота;
- провести анализ требований, предъявляемых к порядку открытия конкурсного производства;
- обозначить основные последствия прекращения и завершения конкурсного производства;
- выявить наиболее актуальные проблемы правового регулирования и правоприменительной практики несостоятельности (банкротства).

Методологическая основа исследования представлена наиболее перспективными подходами. Среди них логический, историко-правовой, сравнительный, аналитический методы, метод экспертных оценок, принципы диалектической логики, позволяющие рассмотреть все явления в развитии и взаимосвязи. В процессе работы также применялись общенаучные методы и приемы: индукция и дедукция, анализ и синтез, группировки, классификации, статистический и графический анализ, научная абстракция. Их использование позволило обеспечить достоверность и обоснованность выводов и практических рекомендаций.

Теоретическая основа исследования состоит из монографий, научных и учебных изданий, материалов периодики, посвященных вопросам конкурсного производства, в том числе таких авторов, как: А.Л. Баранников, В.В. Витрянский, О.А. Городов, А.В. Егоров, Д.Н. Земляков, С.П. Иванова, С.А. Карелина, С.А. Кузнецов, Е.Н. Лукьянчикова, П.М. Морхат, О.В.

Осипенко, Д.О. Османова, И.М. Середина, А.Г. Середина, А.С. Филиппов, И.В. Фролов, Г.Ф. Шершеневич, Т.П. Шишмарева и др.

Эмпирическая основа исследования включает в себя практику Верховного Суда РФ и ныне упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ, а также нижестоящих арбитражных судов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложения, выводы и раскрытая в работе проблематика могут быть направлены на совершенствование законодательства о банкротстве и института защиты прав кредиторов в целом, устранению разночтений и противоречий в правоприменительной практике на всех этапах дел о несостоятельности (банкротстве).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что исследование, проведенное автором, содержит ряд общетеоретических положений и выводов, которые могут быть использованы как в дальнейших теоретических исследованиях института конкурсного производства, выявлению проблем, возникающих при инициировании процедур несостоятельности и реализации судебных решений, так и послужить основой для теоретических исследований в данной сфере.

Гипотезой исследования является то, что институт несостоятельности (банкротства), при должном использовании сложившейся правоприменительной практики и внесения ряда изменений, является эффективным способом регулирования не только отношений между должниками и кредиторами, но и экономики в целом.

На основе проведенного автором исследования сформулированы следующие положения, выносимые на защиту:

1. Институт банкротства в настоящее время имеет недостаточную роль в развитии рыночной экономики и законодательства, что обусловлено отсутствием необходимого совершенствования и включения в положения ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устоявшейся судебной практики в

отношении основных положений, регулирующих отношения между всеми сторонами дела, в том числе государством.

2. Уполномоченным органам в делах о банкротстве отводится недостаточная роль в части контроля за соблюдением требований по исполнению и пополнению бюджета. Выводы о специальном наблюдении номинальны, ФНС России на практике обладает статусом и правами обычных кредиторов, что не соотносится с позиционированием института банкротства, как некоего регулятора рыночной экономики.

3. Судами, ввиду отсутствия последовательного внесения изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», по спорам имеющим идентичные требования и доказательную базу, выносятся разные решения, что не соответствует целостности правоприменительной практики и её основной цели – дополнения рассматриваемого Закона.

4. Российскому институту банкротства необходимо ввести регулирование и централизацию банкротства предпринимательских групп, в том числе для объединения лиц подлежащих к привлечению к субсидиарной ответственности, установления взаимосвязи и влияния деятельности в пределах таких отношений, также для принятия решений о возможности заключения мировых соглашений с исполнимыми условиями. Данная мера позволит не только избежать разночтения законов и судебной практики разными судьями и регионами рассматривающими споры, фактически в пределах одного должника, а также сократить предельные сроки рассмотрения таких дел о несостоятельности.

5. Необходимо усиление контроля за деятельностью арбитражных управляющих, путем внесения последовательных изменений в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части конкретизации обязанностей и тех действий, которые являются противоправными для совершения. Суду и кредиторам, вне периода перехода из одной процедуры банкротства в следующую, необходимо реализовать право на смену арбитражного управляющего не отвечающего требованиям и целям процедуры банкротства,

путём принятия такого решения единолично судом или по итогам кворума конкурсных кредиторов.

6. Вопрос банкротства ликвидируемого должника путём подачи им самостоятельного заявления в Арбитражный суд нуждается в дополнительном регулировании, в частности по причине злоупотребления таким правом в целях избежания ответственности, в том числе уголовной.

7. Проблемы оспаривания сделок должника конкурсными кредиторами, в целях пополнения конкурсной массы или исключения из реестра требований кредиторов необоснованных корпоративных требований нуждаются в совершенствовании, в том числе путём наделения кредиторов по текущим обязательствам правами на предъявление таких исков.

8. Необходимо усиление института субсидиарной ответственности и убытков взыскиваемых в пользу кредиторов, перераспределение основного бремени доказывания и возложения его на контролирующих должника лиц, обязательность использования и учета при вынесении решений судом материалов и выводов проверок по результатам контрольных мероприятий со стороны уполномоченных органов.

9. Все вышеуказанные положения при этом направлены на решение одной из главных проблем дел о несостоятельности (банкротства) должников, выражающейся в сроках проведения конкурсного производства, которое в большинстве случаев по статистике длится более 5 лет.

Структура магистерской диссертации вытекает из специфики ее объекта, предмета, цели и задач. Выпускная квалификационная работа включает в себя три главы, объединяющие девять параграфов, введение и заключение, библиографический список.

Глава 1 Конкурсное производство, как форма судебной ликвидации должника

1.1 История становления конкурсного производства. Роль ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в регулировании процессов конкурсного производства в современной России

Основу современного института конкурсного производства, известного большинству государств, составляют понятия, сформированные еще в глубокой древности. Как тогда, так и сейчас необходимость применения конкурсных процедур обусловлена тем, что в результате осуществления прав происходит их столкновение, т.е. осуществление одного полностью или частично исключает возможность осуществления другого права.

Многочисленная группа авторов придерживается мнения о том, что истоки конкурсного права следует искать в учениях древнеримских юристов. Учитывая ограниченные рамки настоящего исследования, видится возможным ограничиться утверждением, в соответствии с которым в праве Древнего Рима имелись нормы об обращении нескольких взыскателей к одному и тому же должнику с требованием оплатить долги. Если должник был не в силах исполнить заявленное требование, то кредиторы были вправе разрубить его тело по частям и разделить их между собой. Имелась возможность и обращения взыскания кредиторов на имущество, принадлежащее должнику, – вещи и права требования к третьим лицам. Исключались из конкурсной массы расходы, связанные с погребением самого должника и лиц, подлежащих захоронению за его счет. То же самое можно сказать о долговых требованиях, обеспеченных залогом либо ипотекой, они удовлетворялись в преимущественном порядке, вперед личных и даже привилегированных требований кредиторов. Таким образом, согласно римскому праву объявление залоговых или ипотечных кредиторов могло влечь за собой полное устранение конкурсных кредиторов от реализации

имущества должника. Подобно ныне действующему законодательству во многих странах, древнеримские законы в очередности удовлетворения требований кредиторов на первое место ставили публичные, казенные интересы, поэтому сначала взыскивалась недоимка в податях. После этого следовало удовлетворение требований, вытекающих из заключенных соглашений с казной, а также из законной ипотеки супруги на объем имущества супруга, равный ее приданному. Когда привилегированные требования погашались, следовало удовлетворение иных требований [23, ст. 39; 99 ст. 147].

Что касается поиска ответа на вопрос, когда конкурсное производство появилось в нашей стране, то его следует начинать с анализа правовых актов, периодизация которых является достаточно разработанной.

Практически любое историко-правовое исследование принято связывать с обзором Договора Руси с Византией, заключенного в 911 г. и установившего новый государственный уклад, и Русской Правды, как древнейшего памятника российского законодательства. Однако, несмотря на то, что в обоих из них был достаточно объемный материал, посвященный оформлению различных договоров, рассмотрению конфликтов, вытекающих из них, регулированию торговых правоотношений, обнаружить и в Договоре, и Русской Правде конкретные нормы, которые бы устанавливали критерии банкротства должников, автору не удалось. Последний акт, правда, говорил о допущении случаев, когда должники не могли погасить требования своих кредиторов, но критерии несостоятельности – неоплатность или неплатежеспособность, последовательность выплат не определял. Такой же подход был сохранен и в Псковской судной грамоте, в Судебниках Иоанна III 1497 г. и Судебнике Иоанна IV 1550 г., в других памятниках средневекового русского права.

Стоит поддержать мнение ученых, считающих, что на тот период имели место быть лишь зачатки конкурсного процесса, но никак не законодательство о несостоятельности [117, ст. 98].

Как таковая потребность в наличии специального законодательства, прямо посвященного институту конкурсного производства, появилась только в XVIII в., когда на более высокий уровень вышло развитие торговли и кредитно-денежных отношений, а также появилось классовое неравенство. На протяжении всего столетия предпринимались попытки по оформлению качественной правовой базы. О.Г. Кашайкина и Т.П. Мельник отмечают, несмотря на то, что все они были по большей части неудачными, их значение нельзя преуменьшать, поскольку именно на основании этих разработок была создана необходимая «почва» для совершения прорыва в правовой регламентации несостоятельности, произошедшего в XIX в. [30, ст. 37].

Позже А.Х. Гольмстен высказывал мнение о том, что законодатель на тот момент мог выбрать одну из трех концепций формирования конкурсного права: иностранную, национально-самобытную и канцелярско-кодификационную [13, ст.21]. В соответствии с первой, зарубежное законодательство о несостоятельности могло быть адаптировано к реалиям Российской Империи, тем более, что процессы с участием иностранных кредиторов уже имели место быть. Согласно второй следовало продолжить внедрение идеи закупничества, предполагающей передачу должника кредиторам, в пользу которых он должен был отработать имеющуюся задолженность. И, наконец, третья предполагала принятие специальных конкурсных уставов. Как показало время, выбор был сделан в пользу канцелярско-кодификационной концепции. Главное ее проявление – разработка и введение Устава о банкротах от 1800 г., в рамках которого было отражено и нормативное наследие ранее действовавших актов, и передовые тенденции, вытекающие из реалий общественной жизни [3, ст. 9].

В качестве банкрота Устав подразумевал лиц, «не способных сполна оплатить свои долги». Причины невыплаты могли быть объективными («несчастливая» несостоятельность) либо субъективными («неосторожная», «злостная» несостоятельность). Также допускалась классификация банкротства на виды: купеческая (торговая) несостоятельность и неторговая

несостоятельность (дворяне и чиновники), регламентация каждой из которых осуществлялась в особом порядке, посредством специальных постановлений.

Наиболее значимая черта Устава 1800 г. – придание особой роли кредиторам несостоятельного должника. Именно в их полномочия входило: определение юридической судьбы должника, правовое оценивание банкротства (в качестве неосторожного или злостного), назначение размера ежегодных выплат. Мнение по выделенным вопросам было обязательно для суда, при рассмотрении банкротного дела он опирался на него.

В 1832 г. часть первая (торговая) Устава подверглась коррективам, в контексте которых самым большим изменениям подвергся статус кредиторов. Их волеизъявление перестало носить обязательный для суда характер (оно стало рекомендательным).

Рассмотренные выше и иные особенности эволюции дореволюционного конкурсного права привели к появлению в нем целой совокупности специфических черт. Это, к примеру, действие критерия неоплатности и открытие конкурсного процесса только при условии наличия нескольких кредиторов. Г.Ф. Шершеневич категорично стоял на необходимости присутствия на стороне кредитора нескольких лиц, конкурирующих между собой в требовании удовлетворения. Он говорил о том, что множественность кредиторов должника «лежит в самом понятии конкурса, она всегда должна быть сохранена как условие, если не для открытия, то, во всяком случае, для осуществления конкурсного производства». Открытие конкурса при одном кредиторе, по его словам, «противоречит историческому развитию конкурсного процесса» [116, ст.100].

Как отмечает К.Б. Кораев, многие из выработанных в дореволюционной России правил просуществовали вплоть до 1998 г., когда был принят второй по счету Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [34, ст. 9]. Правда, из данного периода следует вычесть годы полного отсутствия в отечественном законодательстве категории «несостоятельность». Советская власть, сначала полностью отказавшаяся от

императорских законов и указов, в последующем некоторые из них пытались возродить. Так, велись работы над проектом Торгового свода 1923 г., содержащего конкурсные правила. Кроме того, несостоятельность упоминалась в некоторых статьях ГК РСФСР 1922 г. – о юридических лицах, о договорах займа и поручения. Однако, реформа гражданского законодательства, состоявшаяся в 1960 г., привела к тому, что нормы о несостоятельности полностью исчезли. Д.О. Османова приводит на данный счет интересную точку зрения: Длительное время процедуры банкротства регламентировались исключительно «на бумаге»; плановая экономика, оказание на стабильной основе финансовой поддержки, действие отработанного механизма санации были тремя столпами, обеспечивающими рабочее состояние всех средних и крупных предприятий, полностью исключая необходимость обращаться к положениям о несостоятельности (банкротстве) [63, ст. 28].

Возрождение рассматриваемого правового института произошло только в начале 1990-х гг., когда вступил в силу первый российский Закон «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» [18]. Считается, что на его содержание большое влияние оказали американские и западноевропейские законы и судебные прецеденты, регулирующие отношения кредиторов с неплатежеспособным или несостоятельным субъектом, т.е. была предпринята попытка синхронизировать в одном акте несколько подходов – в США приоритет имеют интересы должников, а в Европе, напротив, кредиторов. Подобное смещение ни к чему хорошему не привело, Закон, по сути, так и не начал действовать [43, ст.155].

Большие надежды участники гражданского оборота возлагали на следующий законодательный акт – Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве 1998 г.) [114]. Он принимался в условиях уже действующих: новой части первой Гражданского кодекса РФ, Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и др. сопутствующих правовых актов. Закон

о банкротстве 1998 г. во многом соответствовал складывающимся на тот момент правоотношениям. Заложенный в предыдущий акт критерий банкротства – неоплатность долга, устанавливаемый на основе соотношения активов и пассивов в имуществе должника, был заменен на новый – неплатежеспособность должника (причем, для юридических лиц), предполагающий полное прекращение платежей (по причинам отказа, уклонения и др.). По словам В.В. Витрянского, разработчика Закона о банкротстве 1998 г., устанавливая величину долга и срок его неуплаты, преследовали верную цель – упорядочение рынка, повышение уровня долговой дисциплины. К сожалению, эта цель реализована не была, состояние имущественного оборота ее достижению не способствовало. Специфический российский рынок не воспринял факт неисполнения должником взятых на себя обязательств в течение трех месяцев в качестве чего-то недопустимого, свидетельствующего о его несостоятельности, напротив, такая практика рассматривалась как обычное явление [11, ст. 93]. Кроме того, все чаще стал подниматься вопрос о том, что к процедурам банкротства, в том виде, как они установлены Законом о банкротстве 1998 г., прибегают не для оздоровления бизнеса, а для передела собственности [14, ст. 87].

В целом, общее несовершенство указанного Закона, отсутствие в нем внутренней логики и четкой структуры, расхождение его норм с нормами других нормативно-правовых актов, обусловило работу над новой его редакцией, воплотившуюся по итогу в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве 2002 г.) [111].

Собственно под несостоятельностью (банкротством) законодатель определил «признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность в виде уплаты обязательных платежей» (абз. 2 ст. 2 Закона о

банкротстве 2002 г.). При этом, признаками несостоятельности являются: неплатежеспособность и недостаточность имущества (абз. 36 и 37 ст. 2; абз. 6 ч. 1 ст. 9; абз. 1 ч. 2 ст. 61.2; абз. 1 ч. 3 ст. 61.3; абз. 2 ч. 2 ст. 213.6 Закона о банкротстве 2002 г.).

Характерная черта Закона о банкротстве 2002 г. проявляется в том, что он отходит от классического понимания конкурсного производства, поскольку допускает присутствие на стороне кредиторов должника одного лица. На основании этого в научной юридической литературе постоянно возникают предложения о необходимости внесения поправок в части приведения Закона в соответствие с идеями конкурсного процесса. К примеру, С.А. Кузнецов полагает возможным дополнить Закон о банкротстве 2002 г. новым основанием для прекращения производства по делу о банкротстве – в случае установления судом наличия у должника лишь одного кредитора, при отсутствии в материалах дела информации об иных кредиторах, производство должно прекращаться. Причем, если новые кредиторы в последующем выявляются, то производство по делу о банкротстве может быть заново возбуждено. Пока таких норм в Законе о банкротстве 2002 г. нет, можно наблюдать ситуацию присутствия у должника-банкрота одного кредитора, где суд по факту становится приставом-исполнителем, а сам процесс – исполнительным производством. Тем самым, производство по делу о банкротстве лишается своей ключевой функции и предназначения – в соразмерном объеме удовлетворить сталкивающиеся, конкурирующие между собой требования кредиторов к должнику, не имеющего достаточного количества имущества в целях удовлетворения требований всех кредиторов в полном объеме [35, ст. 6].

Подробное изучение всех положений Закона о банкротстве 2002 г. позволяет прийти к выводу о том, что в нем несостоятельность (банкротство) определяется в нескольких значениях, изложенных автором на рисунке 1. Учитывая это, в научной и экспертной среде данный Закон постоянно критикуется, причем, с самого начала своего действия. Указывается и на

проблему определения неплатежеспособности через формальные признаки (сумма и срок), и на недостаточное обеспечение прав и интересов должников и кредиторов, и на сложность взаимодействия Закона с другими нормативно-правовыми актами, и целый ряд других существенных недостатков, которые по возможности будут рассмотрены по ходу настоящего исследования.

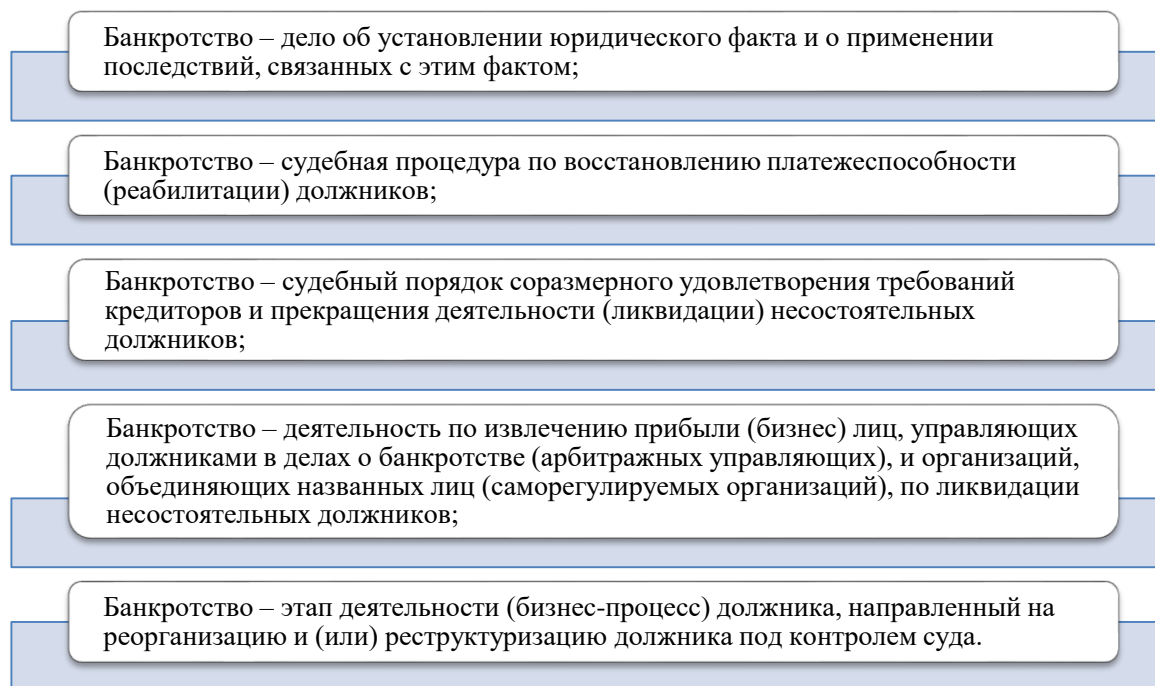

Рисунок 1. Понятие «банкротство» по Закону о банкротстве 2002 г.

Считая, что доля истины присутствует во многих критических высказываниях, нельзя не признавать и во многом прогрессивный характер Закона о банкротстве 2002 г., его большое отличие от ранее принятых нормативно-правовых актов. Также важно подчеркнуть, что указанный Закон, действующий почти двадцать лет, не остается статичным. В него регулярно вносятся поправки, причем, иногда достаточно революционные (меняющие концепцию). Всего Закон видоизменялся 119 раз (посредством федеральных законов), последние по времени коррективы состоялись 20 апреля 2021 г. И это не считая соответствующие поправки в Гражданский кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и другие, связанные с конкурсным

производством нормативные правовые акты. Их точное количество не поддается исчислению. В виду текущего кризиса на рынке, банкротство в принципе стало более лояльно к той касте должников, чья финансовая неблагополучность возникла лишь впоследствии его влияния, а не неправомерных действий контролирующих лиц [124, ст. 752].

Несмотря на это, зарубежные авторы не редко критикуют как само законодательство Российской Федерации о несостоятельности, так и действия судей, которые вопреки здравой логике, но при этом в отсутствие прямых указаний в законе, принимают решения несоответствующие целям и задачам банкротства [123, ст. 423]. Однако, такое повышенное внимание является, по сути, логичным, учитывая, что правоотношения конкурсного производства носят крайне высокий конфликтогенный характер.

1.2 Особенности конкурсного производства отдельных категорий должников

Как следует из официальных данных ФНС России по состоянию на 1 мая 2021 г. в Российской Федерации в качестве зарегистрированных числились 3 412 452 юридических лиц, а также 3 509 413 индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств [105]. Все они имеют отличный правовой статус, осуществляют деятельность в абсолютно разных сферах деятельности и пр., привести их к какому-либо единому показателю нельзя. Не вызывает сомнения, что осуществление конкурсного производства в отношении общества с ограниченной ответственностью, с оборотом в 1 млн. руб. и 10 сотрудниками, и предприятия, являющегося градообразующим, обеспечивающим работой тысячи лиц, не может быть одинаковым, влекущим равные последствия.

Учитывая это, отечественный законодатель традиционно придерживается подхода проводить классификацию всех должников на две группы, по критерию особых характеристик деятельности: должники,

имеющие обычный статус (на них распространяются общие правила, разработанные для регламентации конкурсных отношений), и должники, входящие в особую (отдельную) категорию (в их отношении вырабатываются специфические правила, обусловленные сферой деятельности и/или видом права собственности на имущество, позволяющие наиболее эффективно достичь конечных целей конкурсного производства) [106]. В этом плане законодательство Российской Федерации соответствует, к примеру, подходу, выработанному в Соединенных штатах Америки. С.П. Иванова, Д.Н. Земляков и А.Л. Баранников со ссылками на Кодекс о банкротстве США (U.S. Bankruptcy Code) [125] указывают на наличие особенностей правового регулирования процедур ликвидации таких должников, как кредитные организация, биржевые брокеры, брокеры по продаже [19, ст. 150]. В качестве противоположной точки зрения можно привести в пример право ФРГ, которое не предъявляет каких-либо специальных требований к банкротству отдельных категорий юридических лиц [122].

В соответствии с Законом о банкротстве 2002 г., особая регламентация конкурсного производства вводится в отношении: градообразующих организаций, сельскохозяйственных организаций, финансовых организаций (выделяя отдельно страховые компании, негосударственные пенсионные фонды, банки и др.), предприятий (организаций) стратегического значения, субъектов естественных монополий, застройщиков, участников клиринга и их клиентов. Данным правоотношениям полностью посвящена глава IX Закона о банкротстве 2002 г. Причем, она постоянно видоизменяется, пополняясь новыми нормами, даже иногда параграфами. Так, в 2011 г. были введены соответствующие положения о банкротстве кредитных кооперативов и застройщиков, в 2014 г. – кредитных организаций и участников клиринга, в 2015 г. – микрофинансовых компаний и др. Параллельно с этим были признаны утратившими силу некоторые специальные законы, действовавшие в данной сфере. К примеру, это Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» [113].

Иными словами, было принято решение сосредоточить все нормы о несостоятельности (банкротстве) различных должников в рамках единого нормативно-правового акта.

Более всего общественным обсуждениям подвергались положения о конкурсном производстве застройщиков. С.А. Карелина и И.В. Фролов следующим образом описывают актуальность появления в законодательстве соответствующих норм: В 2000-х гг. громкими стали дела о «недостроях», чаще всего, вызванные банкротством строительных организаций, в геометрической прогрессии стало расти число исков от пострадавших граждан. При этом, в судебных органах, среди арбитражных управляющих и иных участников правоотношений не было понимания, как применять классические требования конкурсного производства к компаниям, занимающимся возведением жилой недвижимости. Особую категорию составляли проблемы, связанные с определением статуса граждан, вложивших денежные средства на начальных этапах строительства, но не получивших результата в связи с финансовой несостоятельностью организации-застройщика. Нередко такие граждане попусту оказывались «на улице», по причине внесения единственных денежных средств. Было понимание, что этих граждан недопустимо относить к обычной группе кредиторов должника, требования которых могли подлежать простому списанию, поскольку основание их требований составляла не предпринимательская деятельность, связанная со строительством и финансированием, а право на жилище, провозглашенное на конституционном уровне [27, ст. 5].

Появление в гл. IX Закона о банкротстве 2002 г. норм §7 «Банкротство застройщиков», закрепившим специальные требования к процедуре банкротства субъектов, которые привлекают денежные средства либо иное имущество участников строительства, было положительно воспринято в научном и экспертном сообществе. В первую очередь, выделялся подход, который применил законодатель при определении собственно застройщика. К нему были отнесены юридические лица в независимости от их

организационно-правовой формы, в том числе жилищно-строительные кооперативы и индивидуальные предприниматели, привлекающие денежные средства и (или) имущество участников строительства и имеющие предъявленные к ним требования о передаче жилых помещений либо денежные требования (п. 1 ч. 1 ст. 201.1 Закона о банкротстве 2002 г.). Несложно увидеть, что в приведенной трактовке отсутствуют такие существенные черты, выделяющие застройщиков от иных субъектов предпринимательской деятельности, как ведение строительной деятельности и состояние в строительной СРО. Помимо этого, в ч. 2 этой же статьи было предусмотрено важное правило о том, что правила, установленные в § 7, применяются без привязки к условиям о наличии у застройщика на праве собственности, аренды или субаренды земельного участка, а также об обладании им правом собственности или другим имущественным правом на объект строительства. По мнению законодателя, единственный квалифицирующий признак застройщика – это факт привлечения им денежных средств либо иного имущества, принадлежащих участникам строительства. Тем самым, было решено реализовать основную цель вводимых норм – в максимальной степени охватить все возможные случаи нарушения прав граждан – участников строительства, предоставить им эффективную защиту [3, ст. 270].

Для того чтобы право требования кредитора к застройщику было признано арбитражным судом, оно должно вытекать из гражданско-правовой сделки, перечень которых носит открытый характер.

В числе одной из основных гарантий кредиторов застройщиков можно выделить норму, закрепленную в ст. 201.5 Закона о банкротстве 2002 г. В соответствии с ней факт открытия конкурсного производства по отношению к застройщику рассматривается в качестве достаточного основания для того чтобы участник строительства мог заявить об одностороннем отказе от исполнения договора, влекущего передачу жилого или нежилого помещения, а также машино-места. Момент заявления такого отказа может связываться с

разрешением в рамках дела о банкротстве застройщика вопроса об установлении размера денежного требования участника строительства, подлежащего включению в реестр. Как следует из ч. 2 ст. 201.5 Закона о банкротстве 2002 г., размер такого требования – это реальный ущерб, причиненный нарушением обязательства застройщика по передаче объекта недвижимого имущества, в виде разницы между стоимостью такого объекта на дату расторжения соответствующего договора, и суммой денежных средств, уплаченных до расторжения этого договора, или стоимостью переданного застройщику имущества. Конкретные суммы заявляемых требований определяются в соответствии с заключением оценщика, обязанность привлечь которого возложена на арбитражного управляющего.

Достаточно быстро стала формироваться практика применения новых положений §7 гл. IX Закона о банкротстве 2002 г. На уровне судов были даже определены некоторые ограничения. Так, Президиум ВАС РФ пришел к мнению о том, что рассматриваемые правила § 7 распространяются не на любого застройщика, а лишь на того, который привлекал денежные средства в целях финансирования строительства многоквартирных домов [72]. Тем самым, правовую значимость в делах о банкротстве застройщиков получил тип возводимых объектов строительства. Однако, в 2018 г. законодатель развил данные положения, расширив перечень объектов, по отношению к которым участник строительства вправе обратиться с требованием о включении помещений в реестр требований участников строительства [107]. Помимо квартир в многоквартирных домах такими объектами стали: квартиры в таунхаусах, включающих три и более блоков, машино-места и иные нежилые помещения, имеющие площадь меньше 7 кв. м, расположенные в многоквартирных домах и таунхаусах.

Эти положения, во многом воспринятые положительно, как востребованные тенденциями гражданского оборота и правоприменением, вызвали и критику. К примеру, Е.Н. Лукьянчикова задается справедливыми вопросами: почему в законе указаны именно данные объекты и почему он не

распространяет свое действие на квартиры (жилые помещения) в домах блокированной застройки, состоящих из двух блоков, также жилые дома (коттеджи)? Такой подход может влечь за собой возникновение абсурдных ситуаций, допускающих включение в реестр требований о передаче жилых помещений и отказ в таковом по отношению к гражданам из одного и того же коттеджного поселка. Причем, примеры того, что суды идут по пути буквального толкования норм §7 гл. IX Закона о банкротстве 2002 г. уже есть [40, ст. 127].

Показательное в этом плане дело – несостоятельность ООО «Близкое», находящаяся в производстве Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области (№ А56-18537/2017). Как следует из его материалов, в процессе наблюдения ООО «Близкое» один из участников строительства подал заявление с требованием включить в реестр требований о передаче помещений индивидуальный жилой дом (коттедж). Суд первой инстанции в удовлетворении требования отказал. Апелляция его поддержала, постановив, что согласно действующему законодательству индивидуальный жилой дом не охватывается понятием «многоквартирный дом», а значит, требование было отклонено правомерно [84].

К прямо противоположным выводам Арбитражный суд Уральского округа. С одной стороны, установив, что коттедж действительно не является многоквартирным домом, с другой стороны, судьи посчитали возможным применить к спорным правоотношениям положения §7 гл. IX Закона о банкротстве 2002 г. Мотивировка судебного решения была следующей: Жилой дом и земельный участок, по поводу которых велся спор в рамках дела о банкротстве застройщика ООО «Золотая горка», расположены в жилом комплексе – поселке с аналогичным застройщику названием. Этот поселок имеет общую жилищно-коммунальную инфраструктуру (в виде инженерных сетей, газо и водоснабжения, канализации, электроэнергии, подъездных путей и пр.). На его территории в единый, по сути, объект входят, как многоквартирные дома малой этажности, так и коттеджи. Денежные средства

от участников строительства многоквартирных домов и от покупателей коттеджей (на условиях рассрочки платежа) застройщиком привлекались одновременно в соответствии с заключенными предварительными договорами; все полученные денежные средства без какого-либо подразделения застройщик аккумулировал и тратил на реализацию всего проекта «Золотая горка». Следовательно, коттедж следует рассматривать не в качестве отдельного, самостоятельного объекта индивидуального жилищного строительства, а в качестве структурного элемента единого строительного объекта, и по территории, и по инфраструктуре; в финансово-экономическом плане покупатели коттеджа – это такие же участники долевого строительства, они имеют одинаковый статус с приобретателями квартир [77].

Стоит поддержать мнение Е.Н. Лукьянчиковой о том, что преграду на пути вынесения столь разных судебных решений по одинаковым требованиям могут поставить поправки в Закон о банкротстве 2002 г. в части предоставления участникам строительства права обращаться с заявлением об их внесении в реестр требований о передаче помещений, по поводу: квартир в домах блокированной застройки, включающих два блока; а также коттеджей, но при условии наличия общего проекта застройки территории, создания единой жилищно-коммунальной инфраструктуры, аккумулирования денежных средств, уплачиваемых участниками строительства, направляемых на благоустройство территории [40, ст. 126].

Можно предположить, что такой подход будет в полной мере соответствовать конституционному принципу равенства.

Также стоит отметить, что в ситуации, когда структура и содержание §7 гл. IX Закона о банкротстве 2002 г. не остаются неизменными, в юридической литературе не утихают разговоры о ее возможном пополнении иными категориями должников. При этом, наиболее обсуждаемой в течение последних десяти лет является такая категория, как «предпринимательская группа».

Явнее всего указанная инициатива проявилась в связи с подготовкой в 2011 г. Минэкономразвития России законопроекта, выделяющего в отдельную категорию должников предпринимательскую группу [89]. Многие озвученные в нем предложения имели достаточно прогрессивный характер. Основная цель – ввести объединенное конкурсное производство по отношению к должникам, входящих в предпринимательскую группу, являющихся ее членами. В полномочия арбитражного суда планировалось отнести утверждение кандидатуры одного арбитражного управляющего, занимающегося, в свою очередь, ведением единого реестра кредиторской требований. В целях реализации процедуры должно было происходить объединение конкурсных масс должников – членов предпринимательской группы в одну. Внесение соответствующих изменений в Закон о банкротстве 2002 г. было запланировано и в рамках мероприятий Госпрограммы «Экономическое развитие и инновационная экономика», утвержденной Правительством РФ в августе 2013 г. [94]. Примечательно, что в последнем документе помимо предпринимательских групп выделялись такие категории должников, как физические лица и кредитные организации. Как известно, в отношении них Закон о банкротстве 2002 г. был подвергнут корректировкам. Почему он отказался от установления особых правил банкротства для предпринимательских групп, остается неизвестным.

Вместе с тем, подобного рода нормы являются крайне востребованными в правоприменительной практике. Верховный Суд РФ уже не единожды обращался к данному вопросу. В ряде дел его Судебная коллегия по экономическим спорам была вынуждена оперировать термином «предпринимательская группа» для того чтобы урегулировать требования внутри группы [57]. Кроме того, по ходу рассмотрения дела № А40-185113/2016 даже удалось определить критерии, позволяющие относить какую-либо организацию к членам предпринимательской группы, – это осуществление общей предпринимательской деятельности в сфере

строительства и предоставление друг за друга поручительств в кредитных учреждениях [58].

Н.Ю. Горяев верно полагает, что научную и практическую значимость сегодня имеет изучение проблемы о том, как соотносятся между собой институт ответственности лиц, контролирующих должника, и институт несостоятельности (банкротства) предпринимательских групп. Изучение материалов реальных банкротных дел позволяет увидеть, что по факту в процентном соотношении суммы, которые были реально взысканы с контролирующих должника лиц, существенно проигрывают суммам, на которые их суда привлекали к субсидиарной ответственности. Если в Законе о банкротстве 2002 г. все же появится соответствующий раздел, регламентирующий процедуры банкротства предпринимательских групп, то он стане неким вспомогательным механизмом в уже действующем механизме наложения на контролирующих должника лиц мер субсидиарной ответственности [6, ст. 136].

Резюмируя сказанное, можно заключить, что с учетом происходящих в мире тенденций выделять в отдельное производство дела о банкротстве групп компаний, законодателю следует опять обратить внимание на обозначенную проблему, подвергнув концептуальному пересмотру законодательство о банкротстве. Это будет соответствовать интересам кредиторов, а также государства, в целом. Поскольку случаи банкротства лиц, входящих в предпринимательские объединения, в настоящее время являются более распространенными, чем, например, банкротства градообразующих предприятий. Между тем, в отношении последних специальные нормы есть, а в отношении первых – нет.

1.3 Упрощенные процедуры несостоятельности (банкротства)

В русле подхода устанавливать особый порядок банкротных процедур отдельных категорий должников непосредственно по тексту Закона о

банкротства 2002 г. идет и формулирование особых положений, связанных с возможностью реализации упрощенного банкротства.

Здесь подразумевается наличие в Законе о банкротстве 2002 г. специальной главы XI, распространяющейся на ситуации, связанные с банкротством: ликвидируемых должников (§ 1), отсутствующих должников (§ 2), а также специализированных обществ и ипотечных агентов (§ 3 – введен 21 декабря 2013 г.). Именно в такой последовательности будет представлена характеристика выделенных видов упрощенных процедур банкротства.

Если обобщить все точки зрения, сформированные на страницах юридической литературы в отношении норм § 1 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г. (ст.ст. 224-226), регламентирующих банкротство ликвидируемых должников, то преимущественно они сводятся к выделению таких присущих им характеристик, как разумность и обоснованность [98, ст. 10]. При этом, принято указывать, что такая форма упрощенного банкротства является непредвиденной («аварийной») ситуацией, которая возникла в процессе ликвидации юридического лица, которая с позиций гражданского законодательства допустима, а в ряде случаев – необходима. Бывает, что участники (учредители) юридического лица, желая прекратить бизнес (по различным причинам – достижение целей либо нерентабельность, убыточность) путем ликвидации, в последующем получают информацию о реальном состоянии дел, недостаточности денежных средств и иного имущества принадлежащей им компании. Признаки банкротства у юридического лица, существование которого предполагается ликвидировать, становятся неожиданными для его участников (учредителей), но их наличие обязывает ликвидатора (ликвидационную комиссию) обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании такого юридического лица банкротом [115, ст. 42]. Следует дополнить, что следствием поданного обращения становится вынесение судом решения, которым ликвидируемый должник признается банкротом, открывается конкурсное производство, назначается конкурсный управляющий.

Анализ ст. 224 Закона о банкротстве 2002 г. в совокупности со ст.ст. 61, 63 ГК РФ позволяет составить общую схему, заложенную законодателем в основание инициирования банкротства ликвидируемого должника, наглядно представленную на рисунке 2.

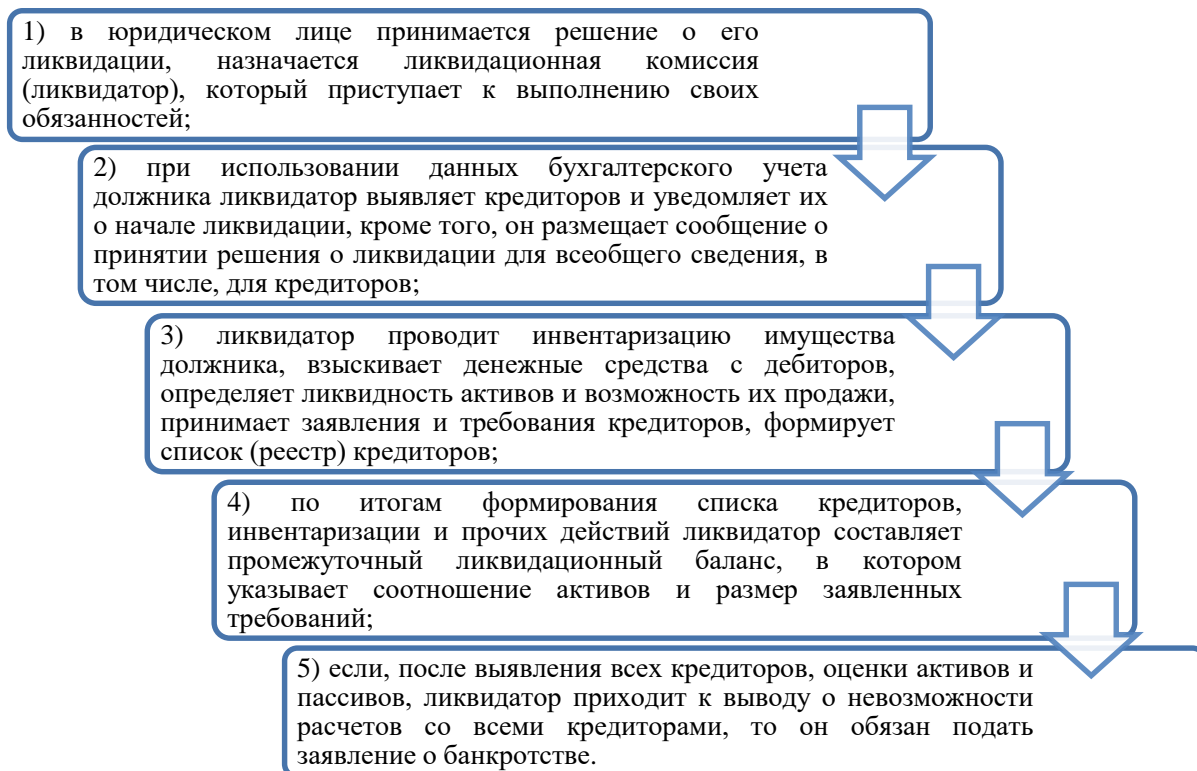

Рисунок 2. Порядок выявления признаков несостоятельности при ликвидации юридического лица

Достаточно проблематичным вопросом в инициировании упрощенных банкротств ликвидируемых должников является установление собственно статуса указанного должника. В Законе о банкротстве 2002 г. данное определение отсутствует, при этом, имеется указание на момент, с началом которого связывается распространение положений § 1 гл. XI данного Закона на ликвидируемых юридических лиц. Речь идет о ч. 3 ст. 224 Закона о банкротстве 2002 г., выделяющей факт принятия участниками (учредителями) юридического лица решения о его ликвидации.

Ныне упраздненным ВАС РФ еще в 2004 г. была сформирована правовая позиция, в соответствии с которой под моментом принятия решения о ликвидации юридического лица следует понимать момент, когда была утверждена ликвидационная комиссия (ликвидатор). Если факт образования

такого органа не установлен, то применение особого порядка упрощенного банкротства исключается [71]. Из сказанного следует вывод, согласно которому реализация специальных, упрощенных банкротных процедур в отношении ликвидируемых должников допускается исключительно в случаях подачи заявлений о признании их банкротами после формирования ликвидационной комиссии (ликвидатора), при доказанности факта об этом. Примечательно, что в последующем избранный судами подход был подтвержден и законодателем, посредством внесения изменений в 2008 г. в ч. 3 ст. 225 Закона о банкротстве 2002 г.

Важно также учитывать, что действие § 1 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г. становится невозможным при наличии данных о том, что объем имущества ликвидируемого юридического лица для погашения требований всех выявленных кредиторов является на самом деле достаточным [55].

На уровне Закона о банкротстве 2002 г. установлен предельный срок, в течение которого необходимо инициировать банкротство ликвидируемого должника. Он равняется 10 дням, отсчитываемым от даты, когда ликвидационная комиссия (ликвидатор) узнала о недостаточности имущества. Об этом прямо говорит ч. 3 ст. 9 Закона о банкротстве 2002 г.

Если представители ликвидируемого юридического лица, знают о необходимости обращения в арбитражный суд с заявлением о признании указанного лица банкротом, но не предпринимают для этого никаких действий, то возникает риск наступления целого ряда правовых последствий, предусмотренных ст. 226 Закона о банкротстве 2002 г.:

- а) запись о ликвидации должника не будет внесена в ЕГРЮЛ;
- б) в случае отсутствия необходимого объема средств и имущества для осуществления всех расчетов с кредиторами, на виновных лиц (собственников, учредителей, руководителей, ликвидаторов и др. представителей должника) будет возложена обязанность по удовлетворению требований кредиторов за счет собственных средств и имущества.

При нарушении требований закона об обязательном обращении в арбитражный суд с заявлением в соответствии со ст. 10 и ч. 2 ст. 226 Закона о банкротстве 2002 г. появляется основание для привлечения собственника имущества должника – унитарного предприятия, участников (учредителей) должника и председателя ликвидационной комиссии (ликвидатора) к субсидиарной ответственности за неудовлетворенные требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей. Помимо этого, из ч. 1 ст. 10 Закона о банкротстве 2002 г. следует, что у перечисленных лиц появится обязательство, связанное с возмещением убытков, причиненных в результате нарушения положений законодательства о банкротстве.

Нельзя не отметить, что основная критика, которая высказывается по поводу практического применения положений § 1 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г., сводится к фиксированию в данной сфере большого числа злоупотреблений. Отмечается, в частности, что нередко таким образом недобросовестные участники гражданского оборота стараются сохранять контроль над юридическим лицом в банкротстве, получать прибыль от его деятельности в период банкротства и минимизировать убытки от самих банкротных процедур [115, ст. 64]. Можно предположить, что основной «заслон» от возможных нарушений должны ставить суды, не относясь к рассмотрению поданного заявления формально, внимательно изучая все возможные сопутствующие этому обстоятельства.

Что касается норм, включенных в § 2 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г. (ст.ст. 227-230), регулирующих банкротство отсутствующих должников, то при их анализе принято выделять значимость такой фигуры, как уполномоченный орган, представленный, в первую очередь, ФНС России. С.П. Иванова, Д.Н. Земляков и А.Л. Баранников прямо указывают на то, что в рамках инициирования дел о банкротстве отсутствующих должников самая активная работа проводится налоговыми органами [19, ст. 146].

Отсутствующими могут быть признаны, как юридические лица – должники, так и физические лица (индивидуальные предприниматели) –

должники [68]. При этом, они должны соответствовать ряду критериев, перечисленных на рисунке 3.

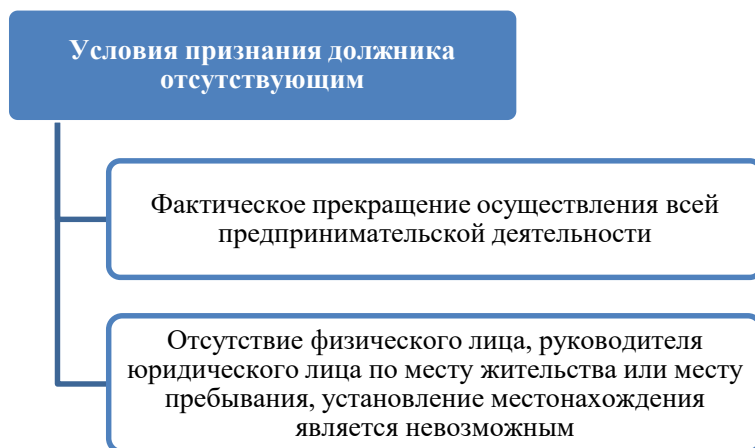

Рисунок 3. Условия признания должника отсутствующим

Важно учитывать, что для инициирования банкротства отсутствующих должников не обязательно наличие признаков несостоятельности (банкротства), предусмотренных Законом о банкротстве 2002 г., поскольку подача заявления в арбитражный суд не ставится в зависимость от размера задолженности таких должников перед их кредиторами, а также по обязательным платежам.

Вместе с тем, на заявителя возлагается обязанность по доказыванию того, что должник имеет статус – «отсутствующий». В этих целях применению может подлежать рекомендация, данная еще в 1999 г. ныне упраздненным ВАС РФ. По мнению судей, в качестве приложений к заявлению о признании банкротом отсутствующего должника могут присутствовать следующие документы: письмо от органа связи (например, Почты России) о невозможности вручения должнику корреспонденции, справка налогового органа о непредставлении в установленные сроки налоговой и иной обязательной отчетности, выписка из банка об отсутствии движений по расчетным счетам и др. [22]. Также заявитель должен представить доказательства того, что у него имеются достаточные средства, связанные с финансированием банкротных процедур, либо, что имеется возможность обнаружения у должника имущества, объем которого позволит покрыть все расходы [69].

При анализе соответствующих положений Закона о банкротстве 2002 г., следует отметить, что он не предъявляет никаких требований к периоду, в течение которого должник должен отсутствовать. В этой части видится возможным сослаться на мнение В.В. Акинфеевой, полагающей, что для применения § 2 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г. важен непосредственно факт отсутствия гражданина – индивидуального предпринимателя либо руководителя юридического лица, его нахождение в неизвестном для заявителя месте. При этом, длительность отсутствия (время) – неважное условие, ключевым здесь является обладание заявителем вескими доказательствами того, что предпринятые им попытки по розыску должника и (или) установления связи с ним были безрезультативными [1, ст. 284].

Что касается лиц, которые могут быть заявителями по рассматриваемой категории дел, то в их числе можно выделить конкурсного кредитора и уполномоченные органы (ст. 227 Закона о банкротстве 2002 г.), последними, в свою очередь, могут быть налоговые органы, прокурор и т.д.

Из общих положений Закона о банкротстве 2002 г. следует, что кредиторы вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом, если имеются денежное обязательство и признаки банкротства. Однако, при упрощенном банкротстве отсутствующих должников это правило действует с исключениями. При том, что у кредитора должно быть денежное требование к должнику, не будет иметь значения размер такого требования, его состав (основная задолженность, пени, штраф) и период неисполнения (один месяц, год и т.д.).

В отличие от кредиторов, правомочие уполномоченных органов обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом отсутствующего должника в зависимость от наличия у последнего задолженности по обязательным платежам в бюджет не ставится. Иными словами, у уполномоченного органа может не быть денежных требований к отсутствующему должнику. Важно только его отсутствие. Данный вывод

прямо следует из правоприменения, судебные решения являются в указанной части достаточно единообразными [87].

Отличительная черта банкротства отсутствующих должников проявляется в неприменении к ним таких реабилитационных процедур, как: наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление и реструктуризации долгов (в отношении граждан-должников). Кроме того, действует сокращенный срок для принятия судом решения о признании отсутствующего должника банкротом – 1 месяц с момента, когда соответствующее заявление было принято в производство. Этим же решением открывается конкурсное производство и назначается конкурсный управляющий.

Обращение к материалам судебной практики, в том числе, опубликованной в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс», позволяет увидеть, что применение положений § 2 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г., равно как и § 1 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г., носит достаточно распространенный характер (в части первых соответствующий запрос выдает – 111 754 дел, в части вторых – 428 354 дел). Чего нельзя сказать о нормах § 3 гл. XI Закона о банкротстве 2002 г., устанавливающих порядок банкротства специализированных обществ и ипотечных агентов.

Указанный параграф был введен в Закон в 2013 г. в рамках общего реформирования законодательства о рынке ценных бумаг, проведенного на основании Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ [109]. В качестве его основной задачи было заявлено формирование качественного законодательства о секьюритизации, направленного как на привлечение в экономику России дополнительных финансовых ресурсов, так и на расширение круга ценных бумаг, доступных для инвестирования. Собственно секьюритизация была определена как «финансирование либо рефинансирование активов юридических лиц, приносящих доход, посредством преобразования таких активов в торгуемую, ликвидную форму через выпуск (эмиссию, выдачу) ценных бумаг» [20, ст. 23].

Банкротству специализированных обществ посвящены ст.ст. 230.1-230.4 Закона о банкротстве 2002 г. При этом, как следует из ст. 230.5 Закона о банкротстве 2002 г., в случае банкротстве ипотечного агента применяются положения ст.ст. 230.1-230.2 этого же Закона, определяющие порядок обращения с заявлением о признании банкротом специализированных обществ и особенности рассмотрения таких дел. Следовательно, можно сказать, что процедуры в отношении банкротства выделенных организаций носят схожий характер.

Упрощенность процедур вытекает из того, что применение наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления при банкротстве специализированных обществ и ипотечных агентов исключается. Если они обладают признаками банкротства, то по заявлению заинтересованного лица арбитражный суд в течение месяца принимает решение, которым специализированное общество или ипотечный агент объявляются банкротом, открывается конкурсное производство, утверждается кандидатура конкурсного управляющего (ст. 230.2 Закона о банкротстве 2002 г.). Обращение к упрощенной процедуре банкротства, по верному утверждению А.В. Белицкой, вызвано тем, что специализированное общество (равно, как и ипотечный агент) – это исключительно техническая компания, ее цель заключается только в секьюритизации активов, какая-либо иная самостоятельная предпринимательская деятельность ею не ведется. Следовательно, когда у инвесторов появляется решение обанкротить специализированное общество (ипотечного агента), создавать им препятствия либо растягивать процесс бессмысленно, т.к. именно инвесторы – это единственные кредиторы специализированного общества (ипотечного агента), их правовая природа исключает возможность возникновения иных обязательств перед иными лицами [9, ст. 40].

О том, насколько эффективными являются статьи Закона о банкротстве 2002 г. об упрощенном банкротстве специализированных обществ и

ипотечных агентов, введенные в 2013 г., судить сложно, поскольку их практическое применение сегодня отсутствует.

В целом, важно учитывать, что во всех описанных выше случаях упрощенного банкротства, помимо собственно специальных норм гл. XI Закона о банкротстве 2002 г., применению подлежат и общие нормы гл. VII этого же Закона. Это позволяет говорить о том, что, по сути, предусмотренные законодателем упрощенные процедуры банкротства – это классическое конкурсное производство, но с некоторыми исключениями, связанными, в первую очередь, с этапом инициирования процесса. Тем самым, исключается и предлагаемый некоторыми авторами подход рассматривать в качестве разновидности упрощенного банкротства порядок внесудебного признания банкротами физических лиц [44, ст. 77]. Соответствующие положения Закона о банкротстве 2002 г. (ст.ст. 223.2-223.7), как представляется, более соответствуют правилам о принудительной ликвидации юридических лиц, имеющих долги (хотя и не являются равнозначными с ними).

Сказанное ни в коей мере не свидетельствует об отрицании важности закрепления в Законе о банкротстве 2002 г. особых требований, предъявляемых к несостоятельным физическим лицам.

В одной из опубликованных в недавнее время статей, прямо посвященных вопросу внесудебного банкротства граждан РФ, приведено обобщение статистических сведений, на которые видится возможным опереться и в рамках настоящего исследования. А.Б. Баранова, в частности, констатирует непрекращающееся увеличение числа таких дел. По состоянию на 30 июня 2020 г. (т.е. за первое полугодие) было зафиксировано 42 718 решений судов, которыми граждане, в том числе, индивидуальные предприниматели, были признаны банкротами. Данная цифра является практически тождественной числу всех судебных актов по банкротным делам за 2018 г. (43 984). Приведенные показатели, в первую очередь, вытекают из высокого уровня закредитованности российского населения. Опросы ВЦИОМ показывают, что у более половины россиян (около 51%) есть непогашенные

кредиты. При этом, по сведениям Центробанка, в 2020 г. объем кредитования физических лиц составлял около 17 568 169 млн. руб. Учитывая это, автор приходит к верному выводу о том, что государство не могло оставаться в стороне от решения имеющейся проблемы, предоставления дополнительной защиты имущественным правам наиболее уязвимых слоев населения [5, ст. 41].

Реформирование законодательства о несостоятельности граждан было крайне необходимо, в том числе, путем введения в него особой внесудебной процедуры банкротства физических лиц – должников, позволяющей им быстро освободиться от имеющейся задолженности, социально реабилитироваться. Вместе с тем, следует понимать, что банкротство физических лиц – это специальный, отличающийся от банкротства юридических лиц, институт, обладающий, прежде всего, реабилитационной направленностью процедур. А.С. Карелина даже предлагает уместным использовать для него отдельный термин «потребительское банкротство», характеризующийся «наличием специальных экономико-хозяйственных целей» [24, ст. 89].

Учитывая небольшой период действия соответствующих норм, на сегодняшний день сложно определить их эффективность. Пока важно лишь подчеркнуть верное движение законодательства о банкротстве в сторону своего постоянного совершенствования, приведения в соответствие с проявляющимися в гражданском обороте новыми тенденциями.

Глава 2 Материальные нормы конкурсного права в делах о несостоятельности (банкротстве)

2.1 Правовое положение должника и его кредиторов

Классическое определение, распространенное в отечественной доктрине, понятия «правоотношение несостоятельности» гласит, что им является «единое охранительное обязательство с активной множественностью лиц, в котором на одной стороне присутствует несколько кредиторов, а на другой – один должник» [101, ст. 53]. При этом, интересы, преследуемые обеими сторонами, носят различный характер: должник преследует цель по освобождению от долгового бремени и выведению из конкурсной массы ликвидных активов (если они есть), в свою очередь, кредиторы – по получению максимального удовлетворения по имеющимся требованиям [63, ст. 11].

Должника Закон о банкротстве 2002 г. наделяет особым правовым статусом, отличным от того, как его понимают, например, гражданское или налоговое законодательство (см. рисунок 4) [26, ст. 51].

В гражданском законодательстве под должником понимается лицо, обязанное совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, а именно: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия (ст. 307 ГК РФ).

В налоговом законодательстве под должником (лицом, имеющим налоговую недоимку) понимается налогоплательщик, плательщик сбора или иное обязанное лицо, которое не уплатило налог, сбор или сумму страховых взносов в установленный законодательством о налогах и сборах срок (ст. 11 НК РФ).

Рисунок 4. Понятие «должник» в гражданском и налоговом праве

В отношениях, связанных с несостоятельностью (банкротством), определяющую роль играют такие критерии, которые делают субъекта собственно должником, как: его неспособность по удовлетворению

требований кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и/или об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, либо его неспособность по исполнению обязанности по уплате обязательных платежей в течение срока, который установлен в законодательстве о несостоятельности (банкротстве). Как следует из Закона о банкротстве 2002 г., должником может быть как юридическое, так и физическое лицо.

Самое главное различие банкротного термина «должник» с иными аналогичными сводится к наличию у кредиторов требований исключительно денежного характера. Иными словами, лица, которые обязаны совершить в пользу других лиц действия по передаче имущества, выполнения работ, оказании услуг, внесения вклада в общую деятельность и др., должниками по смыслу законодательства о несостоятельности (банкротства) не признаются. Примечательное в данном плане разъяснение дано Верховным Судом РФ в рамках дела № А32-4823/2010. Судьи постановили, что, как следует из положений Закона о банкротстве 2002 г., имеющееся реестровое требование кредитора к должнику – понудить его совершить предоставление в натуре – является неисполнимым, оно должно быть оценено и трансформировано в денежное требование, и только после этого включено реестр требований. Также они отметили, что положения Гражданского кодекса РФ, позволяющие требовать исполнения обязательства в натуральной форме, к конкурсным правоотношениям неприменимы [59].

Как видно из изложенного, кредиторы должника, имеющие неденежные требования, несколько ограничены в своих правах, однако, полностью защиты они не лишены. Они, в частности, вправе трансформировать неденежные требования в денежные, помимо этого, возможно возбуждение по их инициативе параллельного процесса, но уже по правилам искового производства.

Не вызывает сомнения, что для должника банкротство – это крайне негативный итог осуществляемой им деятельности (в первую очередь, в части

юридических лиц, хотя для граждан он также значим). Причем, последствия банкротства отражаются не только на участниках (учредителях) юридических лиц, их имущественных интересах. Потери могут нести и иные субъекты, к примеру, сотрудники организации, теряющие работу, ее партнеры, не имеющие возможности реализовать задуманные проекты, а, самое главное, кредиторы. Однако, в ряде случаев банкротство может нести за собой и позитивные эффекты. В юридической литературе можно встретить утверждение о том, что ликвидация должников, которые являются безнадежно неплатежеспособными, – это положительная мера. С ее помощью возможно выведение неэффективных компаний из числа действующих, а, значит, оздоровление экономики [4, ст. 221].

Вместе с тем, учитывая, что отрицательные последствия банкротства являются все же преобладающими, в Законе о банкротстве 2002 г. справедливо предусматриваются меры, ограничивающие претензии к должникам, а также позволяющие должникам восстанавливать свою платежеспособность. Все они направлены на недопущение массовых банкротств, крайне ненужных экономической системе. Еще в XIX в. М.И. Кулагина верно замечал, что «крах некоторых предприятий способен влечь за собой серьезные негативные последствия для экономики страны, которые могут быть сравнимы с последствиями стихийных бедствий или социальных потрясений» [37, ст. 191]. В свою очередь, И.В. Ершова придерживается мнения о том, что посредством обращения к специальным процедурам, закрепленным в законодательстве о банкротстве, обеспечивается право должника не только на восстановление платежеспособности, но и на возвращение (включение) в финансово-хозяйственную деятельность после производства всех расчетов со своими кредиторами. Если же такового достичь не удастся, то начинают действовать присутствующие в Законе о банкротстве 2002 г. ликвидационные процедуры, направленные на соразмерное удовлетворение требований кредиторов и снятие с юридического лица-банкрота долгов. При желании

обанкротившееся лицо вправе вернуться к осуществлению предпринимательской деятельности, но уже в новом статусе [92, ст. 371].

Важно подчеркнуть, что должник имеет правоспособность (конкурсоспособность) до момента, когда арбитражный суд своим решением признает его банкротом и открывает конкурсное производство. Как следует из ч. 2 ст. 126 Закона о банкротстве, с этой датой связывается прекращение полномочий руководителя должника, иных органов управления должника и собственника имущества должника – унитарного предприятия. Руководство деятельностью должника в полном объеме переходит к конкурсному управляющему, осуществляющему все свои полномочия для достижения целей соответствующей процедуры. Следовательно, важное значение принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и открытии конкурсного производства – это установление момента, когда юридическое лицо – должник лишается автономной воли, формируемой ранее, пусть и в ограниченном объеме, его исполнительными органами.

Помимо учета интересов должников, необходимое предназначение института несостоятельности заключается в обеспечении защиты прав таких субъектов, как кредиторы, особенно, в случаях, когда у должника нет достаточного объема имущества, направляемого на погашение их требований. В таких ситуациях за всеми кредиторами (в независимости от момента, когда были предъявлены требования к должнику) должна быть сохранена возможность получения хотя бы частичного удовлетворения в порядке очередности.

Очередность в расчетах, по словам М.Л. Скуратовского, строится на основе принципов справедливости и пропорциональности, означающие, что кредиторы концентрируются в рамках одного реестра в очередях, имеющую разную социальную направленность, выплата в их пользу денежных сумм производится только после того, как будут в полном объеме удовлетворены требования кредиторов предыдущей очереди, а внутри одной очереди – при

недостаточности средств – пропорционально доле каждого кредитора [42, ст. 92].

Кредиторы должника – это значительная группа лиц, участвующих в производстве по делу о банкротстве. Чтобы быть кредитором, субъект должен соответствовать определенному критерию – наличие имеющегося (конкурсные кредиторы, включенные в реестр требований кредиторов) или предполагаемого (заявители, конкурсные кредиторы или кредиторы по текущим платежам на стадии рассмотрения обоснованности требований) денежного требования к должнику. Также допустима производность от такого требования (представители собрания либо комитета кредиторов). В целом, определение кредиторов должника может иметь следующий вид – это «сообщество субъектов, претерпевающих убытки в виде части имущественных требований из денежных обязательств, удовлетворение которых невозможно по причине несостоятельности должника» [19, ст. 48].

Статус кредитора могут иметь российские и иностранные граждане и организации, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования. При этом, право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом согласно Закону о банкротстве 2002 г. принадлежит только конкурсным кредиторам.

Конкурсные кредиторы – это кредиторы по денежным обязательствам. В их число не входят уполномоченные органы (к примеру, налоговые органы), а также граждане, перед которыми у должника есть обязательства, вытекающие из причинения вреда жизни и здоровью, репутации. Также из состава конкурсных кредиторов исключаются работники должника, в том числе, бывшие. Конечно, работодатель-должник может иметь перед ними обязательства в денежной форме. Однако, по смыслу Закона о банкротстве 2002 г. в качестве денежного обязательства рассматривается только обязанность должника по уплате кредитору денежной суммы по гражданско-правовой сделке (ст. 2 Закона).

Важный признак конкурсных кредиторов – возникновение права требования к должнику до того, как арбитражным судом принято в производство заявление о признании последнего банкротом.

От иных кредиторов должника конкурсные кредиторы отличаются наличием большого объема полномочий, наглядно изложенных на рисунке 5.

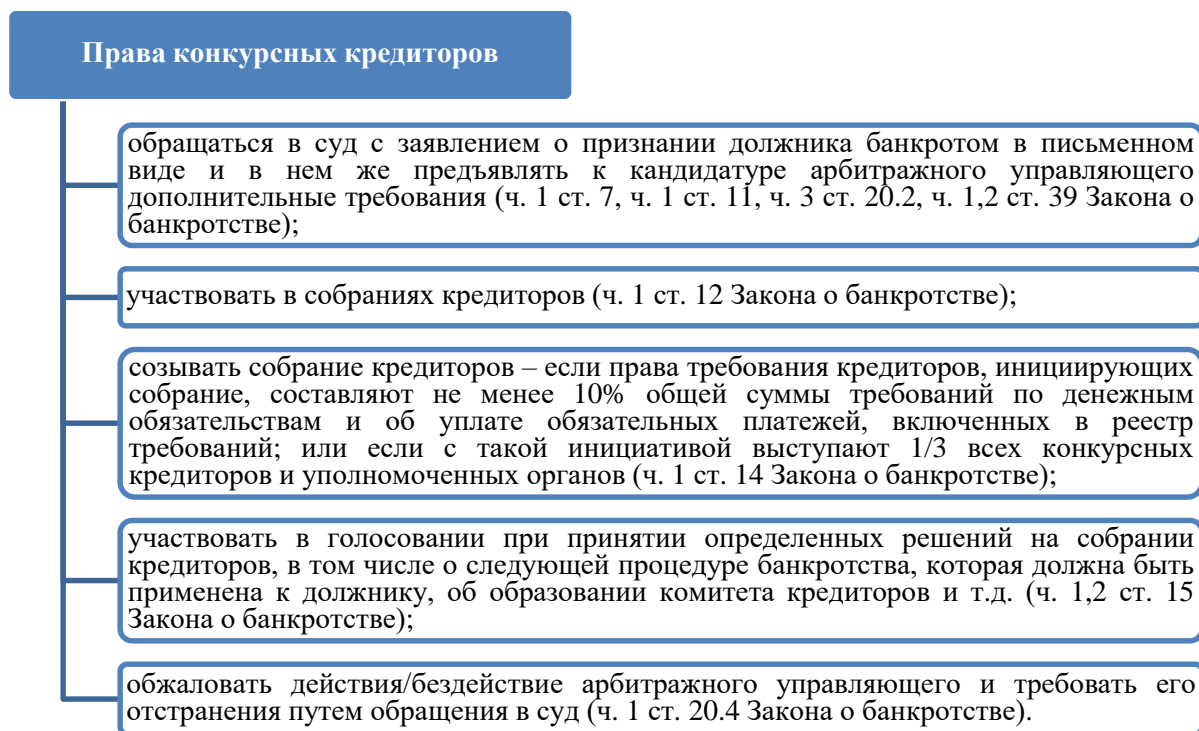

Рисунок 5. Материальные права конкурсных кредиторов

Как следует из самого названия, конкурсные кредиторы находятся в состоянии конкуренции между собой, каждый из них преследует цель – получить возмещение от должника в наиболее максимальном объеме, поэтому, с точки зрения процессуального статуса, они вправе участвовать в деле о банкротстве при рассмотрении его в арбитражном суде (ч. 1, 2 ст. 34 Закона о банкротстве 2002 г.). А, значит, конкурсным кредиторам принадлежит целая совокупность процессуальных прав, в том числе, предусмотренных ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [2]. Это, к примеру, ознакомление с материалами дела, производство выписок из него, представление доказательств, заявление ходатайств и т.д.

В юридической литературе всех конкурсных кредиторов, с учетом суммы требований, признанной обоснованной, предлагается подразделять на

две категории: крупные и мелкие. Первые, обладая значительным объемом требований, имеют возможность оказывать реальное влияние на положение должника. К числу таких кредиторов, прежде всего, относятся коммерческие компании. Они характеризуются высокой организованностью и осведомленностью, в том числе, в вопросах права и экономики, наличием штата специалистов, ведущих дело. Тем самым, крупным кредиторам нередко удается утверждать в рамках проводимых собраний кредиторов решения, которыми преследуются их интересы, иногда прямо противоречащие интересам мелких кредиторов и самого должника. Мелкие же кредиторы, даже если их имеется большое количество, являются разобщенными и неструктурированными, поэтому они лишены возможности воздействовать на ход дела [19, ст. 49].

Особый правовой статус (набор дополнительных прав и обязанностей) принадлежит кредитору, требование которого суд признает обоснованным первым. Данный кредитор иначе именуется, как заявитель по делу о банкротстве. Его положение, с одной стороны, производно от положения конкурсного кредитора и во многом соответствует ему, а, с другой стороны, оно характеризуется специальными чертами. В частности, как предусмотрено Законом о банкротстве 2002 г., на заявителя возлагается обязанность возместить судебные расходы, связанные с процедурами несостоятельности, если нет других источников финансирования (недостаточно конкурсной массы). При этом, именно у заявителя есть приоритетное право на предложение кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации при введении процедуры несостоятельности, либо на отстранение (освобождение) арбитражного управляющего от обязанностей по делу о банкротстве (ст. 46 Закона о банкротстве 2002 г.).

Помимо конкурсных кредиторов в производстве по делу о банкротстве могут фигурировать кредиторы по текущим платежам. Согласно ч. 1 ст. 5 Закона о банкротстве 2002 г., такими платежами считаются: требования, связанные с выплатой выходных пособий и/или заработной платы

действующих и уволенных сотрудников; обязательные платежи, которые возникли после того, как было принято в производство заявление о признании должника банкротом; требования по уплате поставленной продукции (оказанных услуг, выполненных работ), образовавшиеся на этапе уже возбужденного производства по делу о банкротстве. Подробные разъяснения по поводу того, какие требования являются текущими платежами в целях применения Закона о банкротстве 2002 г., а какие – нет, присутствуют в специальном Постановлении Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 63 [70].

В отличие от конкурсных кредиторов, кредиторы по текущим платежам в ходе проведения соответствующих процедур, применяемых по правилам Закона о банкротстве 2002 г., статуса лиц, участвующих в деле, не имеют. Однако, важно учитывать, что определенный набор прав у них все-таки есть. Так, кредиторы по текущим платежам могут обращаться в арбитражный суд с жалобой на действия (бездействие) арбитражного управляющего в арбитражный суд, если имеют достаточные доказательства того, что тем самым нарушаются их права и законные интересы. Причем, как показывает анализ материалов судебной практики, этим правом кредиторы пользуются достаточно часто.

В качестве иллюстрации сказанного можно привести материалы дела № А49-9362/2015 о несостоятельности ООО ПКФ «Промсервис», дошедшие до рассмотрения в кассации. По ходу конкурсного производства кредитор ООО ПКФ «Промсервис» по текущим обязательствам ЗАО «Пензасельстройснабкомплект» обратилось в суд с заявлением о признании неправомерными действий (бездействия) конкурсного управляющего, выразившихся в непредставлении сведений, необходимых для оценивания текущего состояния и планируемых расчетов по текущим обязательствам. И первая, и апелляционная судебные инстанции, со ссылками на ст.ст. 5, 34, 35, 60 Закона о банкротстве 2002 г., а также на п. 3 Постановления Пленума ВАС от 23 июля 2009 г. № 60, в удовлетворении заявленного требования отказали. Суд кассационной инстанции данное решение не поддержал, отменил и

отправил дело на новое рассмотрение. Мотивировка постановления была следующей: Цель подачи жалобы текущего кредитора на действия (бездействие) конкурсного управляющего, как правило, заключается в понуждении последнего соблюдать требования очередности и пропорциональности погашения задолженности, т.к. законный интерес текущего кредитора проявляется именно в удовлетворении имеющегося требования на основании соблюдения принципов очередности и пропорциональности. Единственное необходимое условие для реализации права на обжалование действий (бездействия) конкурсного управляющего должника – это подтверждение фактов о том, что данные действия (бездействие) влекут за собой негативные последствия в виде нарушения прав и законных интересов кредитора по текущим платежам. Однако, этот вопрос нижестоящие суды не исследовали. Еще одно важное утверждение, сделанное кассацией, сводится к тому, что ни один нормативно-правовой акт не содержит перечня прав кредиторов по текущим платежам, которые могут быть нарушены действиями (бездействием) арбитражного управляющего, следовательно, любое действие или бездействие арбитражного управляющего, повлекшее в итоге нарушение прав и законных интересов кредиторов с требованиями по текущим платежам, может быть обжаловано в судебном порядке [79].

В числе иных групп кредиторов должника-банкрота на страницах юридической литературы принято выделять: кредиторов, отстаивающих публичный интерес; залоговых (обеспеченных) кредиторов; зарегистрированных кредиторов; кредиторов по субординированным требованиям и др. [26, ст. 14]. Ограниченные рамки настоящего исследования не позволяют рассмотреть все возможные статусы кредиторов, при этом, не вызывает сомнения, что отношения, возникающие в связи с несостоятельностью должников, иногда действительно могут иметь крайне запутанный вид, поэтому верная классификация кредиторов может быть полезной в целях установления справедливой очередности погашения их требований.

Проведя анализ правового положения должника и его кредиторов в рамках конкурсного производства, а, особенно, преследуемых ими интересов, можно заключить, что в ряде случаев они совпадают, но чаще всего расходятся, поэтому основная задача, которая стоит перед законодателем – создать механизм, позволяющий эффективно урегулировать противоречия, возникающие между основными субъектами отношений несостоятельности, в том числе, по причине недостаточности имущества должника в целях погашения требований кредиторов. На основании этого справедливым видится утверждение, что одно из ключевых предназначений института несостоятельности (банкротства) – это справедливое разрешение конфликта интересов.

2.2 Роль уполномоченного органа и арбитражного управляющего в процедуре конкурсного производства

В производстве по делам о несостоятельности (банкротстве) большое значение придается деятельности уполномоченных органов.

В целях реализации Закона о банкротстве 2002 г. установлено следующее определение федерального уполномоченного органа – это федеральный орган исполнительной власти, который наделен Правительством РФ специальными полномочиями представлять в делах о банкротстве и в процедурах, применяемых в делах о банкротстве, требования об уплате обязательных платежей и требования Российской Федерации по денежным обязательствам (абз. 9 ст. 2 Закона). При этом, в п. 2 Постановления Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257 зафиксировано, что под таким федеральным органом исполнительной власти следует понимать Федеральную налоговую службу (ФНС) России [65].

Что касается денежных требований, которые имеют к должнику субъекты РФ и муниципалитеты, то в рамках их взыскания статус уполномоченного органа будет принадлежать соответствующим

исполнительным органам власти, имеющим оформленные полномочия на представление таких требований от имени публично-правовых образований.

Всех уполномоченных органов объединяют следующие общие признаки: а) наличие требования денежного характера к должнику; б) момент возникновения денежного требования или денежного обязательства – до того, как в арбитражный суд было подано заявление о признании должника несостоятельным (банкротом); в) требование вытекает из денежного обязательства либо из обязанности производства обязательного платежа.

Правовое положение уполномоченных органов в производстве по делу о несостоятельности во многом соответствует правовому положению конкурсных кредиторов, однако, полностью идентичным не является. Но, несмотря на то, что уполномоченные органы считаются активными участниками соответствующих процедур, Закон о банкротстве 2002 г. уделяет регламентации их прав и обязанностей недостаточное внимание. Для того чтобы у правоприменителей возникало меньшее число вопросов, связанных с таким участием, в 2016 г. Верховным Судом РФ был подготовлен специальный Обзор [48].

Значительное внимание в Обзоре высшая судебная инстанция уделила порядку возбуждения дела о банкротстве по заявлению уполномоченного органа. В частности, было разъяснено, что если заявление уполномоченного органа на момент обращения в суд соответствовало требованиям, предъявляемым к таким заявлениям нормами абз. 3 ч. 2 ст. 7 Закона о банкротстве 2002 г. и п. 2 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257, в случае частичной оплаты должником задолженности, которая была указана в заявлении, к моменту судебного заседания, суд должен вынести определение, признающее такое заявление обоснованным, при условии принятия уполномоченным органом решения о взыскании оставшейся части задолженности. При этом, следует учитывать, что по правилам ч. 2 ст. 3 Закона о банкротстве 2002 г. просрочка исполнения обязательства к моменту проведения судебного заседания не

может быть меньше, чем 3 месяца. Однако, ждать истечения 30-дневного срока, отсчитываемого от даты принятия решения уполномоченного органа о взыскании задолженности за счет денежных средств (иного имущества) должника либо с даты вступления в законную силу решения суда, не требуется.

Также в Обзоре рассмотрен вопрос финансовых требований, вытекающих из исполнения обязательств по федеральным госконтрактам, в случаях, когда федеральные органы исполнительной власти (их региональные подразделения) находятся на стороне заказчика. Верховный Суд РФ указал, что в процессе заключения госконтрактов, связанных с приобретением товаров (работ или услуг) для государственных нужд, заказчики осуществляют все свои действия от имени и по поручению публично-правовых образований. Значит, все требования, возникающие при реализации таких правоотношений, – это требования государства, предъявлять которые вправе уполномоченный орган – ФНС России.

В п. 8 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 29 мая 2004 г. № 257, сказано, что федеральные органы исполнительной власти, в случае образования кредиторской задолженности, обязаны сообщить об этом в соответствующее подразделение ФНС России, предоставив ему всю необходимую документацию (информацию), позволяющую сформировать заявление от имени уполномоченного органа о признании должника банкротом. Если федеральные органы исполнительной власти данной обязанностью пренебрегают и самостоятельно подают заявления в арбитражный суд, то последний должен известить ФНС России о времени и месте судебного заседания. В компетенцию ФНС России входит одобрение поданного заявления о признании должника банкротом. В отсутствие такого одобрения суд, руководствуясь п. 7 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, оставляет соответствующее заявление без рассмотрения.

Узкие рамки настоящей работы не позволяют раскрыть все разъяснения об участии уполномоченных органов в конкурсном производстве,

представленные в Обзоре. Можно лишь отметить, что они носят достаточно подробный характер. Однако, несмотря на это, на практике все равно продолжают возникать вопросы.

Так, в одном из недавно разрешенных по времени споров рассматривалась следующая интересная ситуация: Решением Арбитражного суда Московской области от 19.08.2019 г. АО «Интерскол» было признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства. Определением того же суда от 11.06.2019 г. в третью очередь реестра требований кредиторов были включены требования ФГАУ «Российский фонд технологического развития» в сумме 505 089 624 руб. 16 коп. По истечении полугода уполномоченный орган – МИФНС № 13 по Московской обл. – обратился в суд с заявлением о процессуальной замене указанного кредитора. Суд первой инстанции заявление удовлетворил, однако, судом апелляционной инстанции это решение было отмечено. Что послужило основанием для обращения уполномоченного органа в Арбитражный суд Московского округа. Кассационная инстанция, рассмотрев материалы дела, посчитала, что законное и обоснованное решение было принято все же в первой инстанции.

Судьи мотивировали свой вывод тем, что в ч. 2 ст. 29 Закона о банкротстве 2002 г. закреплено специальное правило, в соответствии с которым требования Российской Федерации по денежным обязательствам представляются в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, федеральным органом исполнительной власти, отнесенным к уполномоченным органам, т.е. ФНС России (п. 2 Постановления № 257). В свою очередь, как следует из п. 1.1. Устава «Российский фонд технологического развития» создан Российской Федерацией, она является учредителем и собственником имущества Фонда (в лице Министерства промышленности и торговли РФ). Заявленное Фондом обязательство возникло из заключенного им с АО «Интерскол» договора поручительства по целевому займу, выданного АО «Интерскол-Алабуга». Следовательно, это

обязательство является денежным, принадлежащим Российской Федерации. А требования Российской Федерации по денежным обязательствам в делах о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве, полномочна представлять ФНС России. При таких обстоятельствах судом первой инстанции была правомерно произведена замена Фонда на уполномоченный орган (Управление ФНС России) по заявлению последнего, выводы суда апелляционной инстанции об обратном – ошибочны [76].

Некоторым образом схожая ситуация имела место быть в рамках рассмотрения дела № А65-1813/2017 о банкротстве АО «КЗСК-Силикон», участником которого являлся автор настоящей работы.

Определением Арбитражного суда Республики Татарстан от 9 июля 2018 г. было отказано в заявлении ФНС России, представляющей интересы Министерства промышленности и торговли РФ, о включении требований в реестр требований кредиторов. Сумма спорной задолженности составляла 837 750 000 руб. Она возникла из договоров участия Российской Федерации в собственности субъекта инвестиций от 28.09.2012 г., 27.09.2013 г., 29.12.2014 г., заключенных между должником, Минпромторгом и Росимуществом, с целью установления наличия оснований для возврата должником полученного финансирования.

Вынося вышеуказанное решение, суд пришел к выводу о том, что по своей сути данные договоры являются сделкой купли-продажи акций, внутренними корпоративными правоотношениями, не подлежащими разрешению в рамках производства о несостоятельности. Суд апелляционной инстанции 22 октября 2018 г. указанные выводы не поддержал и решение отменил [85]. Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 21 февраля 2019 г. [78] и Определением Верховного суда РФ от 17 июня 2019 г. [50] позиция апелляционного суда была поддержана в полном объеме. Требования ФНС России (Минпромторга) в реестр были включены.

Мотивировка, при этом, была следующей: По итогам рассмотрения апелляционной жалобы, поданной ФНС России, суд установил, что целью

заключения спорных договоров было не приобретение акций застройщика, а строительство объекта «Строительство отдельного промышленного производства метилхлорсиланов» в рамках Федеральной целевой программы «Разработка, восстановление и организация производства стратегических, дефицитных и импортозамещающих материалов и малотоннажной химии для вооружения, военной и специальной техники на 2009-2011 годы и на период до 2015 года». Для реализации проекта использовались средства федерального бюджета, направляемые на обеспечение отказа от импорта метилхлорсиланов из Украины и Германии, а также на укрепление вооружения Российской Федерации. Цель покупки акций предприятия для установления корпоративного контроля не преследовалась.

Помимо уполномоченного органа, крайне значимым субъектом производства по делам о банкротстве является арбитражный управляющий. Отмечается, что от того, насколько добросовестными и экономически обоснованными будут действия арбитражного управляющего, настолько эффективными в итоге будут процедуры банкротства и степень удовлетворения требований кредиторов [28, ст. 35]. А.Л. Санташов и М.М. Попович от деятельности арбитражного управляющего вообще ставят в зависимость эффективность института банкротства, как такового. В связи с этим на всех этапах реформирования законодательства о банкротстве (начиная с 1992 г. и по настоящее время) правовое положение арбитражных управляющих претерпевало принципиальные изменения. Подход законодателя к арбитражному управлению трансформировался от лицензируемого вида предпринимательской деятельности до осуществления профессиональной деятельности в форме частной практики [97, ст. 10].

Закон о банкротстве 2002 г. предусматривает возможность выделения пяти разновидностей арбитражного управления (см. рисунок 6):

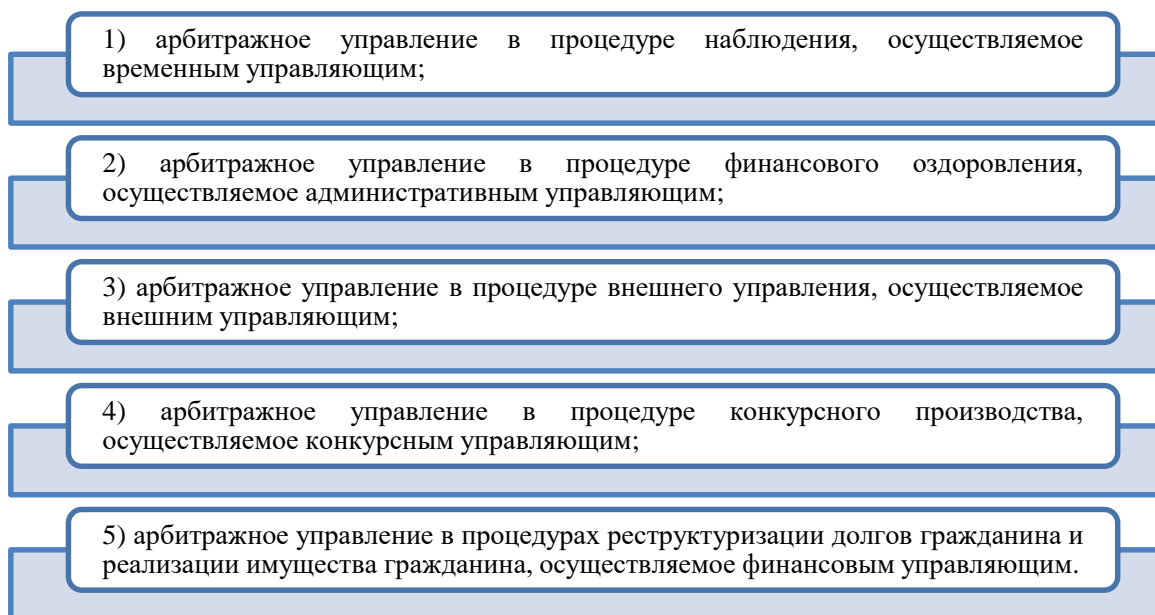

Рисунок 6. Виды арбитражного управления

На каждой стадии арбитражного управления арбитражным управляющим соответствует определенный набор прав и обязанностей. При этом, представляется, что наибольший их объем имеется у конкурсных управляющих. Все они могут быть разбиты на три группы:

1) распорядительные полномочия в отношении имущества должника (принятие в ведение имущества должника, его инвентаризация; привлечение независимого оценщика в целях составления отчета о стоимости имущества должника; обеспечение сохранности имущества должника; анализ финансового состояния должника; розыск, обнаружение и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц; формирование конкурсной массы; взыскание дебиторской задолженности; реализация имущества должника;

2) управленческие полномочия в части осуществления общего руководства должником (уведомление работников должника о предстоящем увольнении в течение одного месяца с даты введения конкурсного производства; собственно увольнение работников должника; заявление отказа от исполнения договоров и иных сделок; передача на хранение документов должника, подлежащих таковому);

3) полномочия, связанные с установлением размера требований кредиторов (заявление возражений по поводу требований кредиторов,

которые предъявляются к должнику; формирование и ведение реестра требований кредиторов).

Считается, что качественно все названные полномочия может реализовать только конкурсный управляющий, обладающий независимостью. Именно в целях формирования истинно независимой фигуры управляющего законодательство о несостоятельности (банкротстве) РФ видоизменялось несколько раз. В настоящее время в качестве основного принят подход – утверждать кандидатуру арбитражного управляющего, а не назначать, как было раньше. Н.А. Кононова верно подмечает, что изменена была не только терминология, но и реальное выражение функции арбитражного суда по отношению к допуску арбитражного управляющего в дело о банкротстве [32, ст. 38].

При этом, Закон о банкротстве 2002 г. в своей первоначальной редакции устанавливал, что заявитель (должник, конкурсный кредитор, уполномоченный орган) и собрание кредиторов имели право на выдвижение саморегулируемой организаций, из числа членов которой выбирался арбитражный управляющий (ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 37, ч. 2 ст. 39, ч. 1 ст. 41 Закона). Из списка кандидатур, сформированного саморегулируемой организацией, уполномоченные лица, перечисленные выше, отводили по одной кандидатуре арбитражных управляющих. После этого арбитражный суд утверждал оставшуюся кандидатуру. При неиспользовании права отвода, суд должен был утвердить кандидатуру арбитражного управляющего, находящегося на более высоком месте в списке.

По сути, получалось, что утверждение арбитражных управляющих ставилось в полную зависимость от усмотрения саморегулируемых организаций. В научной и экспертной среде данный механизм справедливо критиковался. При этом, предлагалось, в частности, вернуться к практике – назначать независимых арбитражных управляющих [64, ст. 77].

Законодатель при разработке пакета поправок, введенных Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ [110], решил выбрать компромиссную

модель, допускающую выдвижение в целях утверждения не только саморегулируемой организации, из числа членов которой можно назначать арбитражного управляющего, но и конкретной кандидатуры арбитражного управляющего. Право на такое выдвижение принадлежит: конкурсному кредитору, работнику и бывшему работнику должника, уполномоченному органу, собранию кредиторов (ч. 2 ст. 12, ч. 2 ст. 39, ч. 3 ст. 41, ч. 7 ст. 45 Закона о банкротстве 2002 г. в действующей редакции).

Однако, несмотря на произведенные изменения, в юридической литературе не прекращаются разговоры о необходимости продолжения совершенствования Закона о банкротстве 2002 г. в части усиления независимости арбитражных управляющих. К примеру, С.А. Карелина и М.Е. Эрлих считают возможным включить в Закон о банкротстве 2002 г. положение, которым все арбитражные управляющие будут подразделяться на категории с учетом их профессиональной квалификации (во внимание должны обращаться: стаж работы, количество сопровождаемых процедур и их виды, субъекты, по отношению к которым были проведены процедуры банкротства). Параллельно этому обосновывается важность классификации и должников – на субъектов малого, среднего, крупного бизнеса. Каждой категории должников будет соответствовать определенная категория арбитражных управляющих. При таком подходе арбитражный суд будет обязан отправлять соответствующие заявки в адрес саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, имеющих регистрацию на территории конкретного субъекта РФ, совпадающей с местонахождением арбитражного суда, в порядке очередности. Далее саморегулируемая организация выбирает кандидатуру арбитражного управляющего способом, не допускающим субъективизм и усмотрение какой-либо группы лиц, например, посредством жеребьевки [29, ст. 24].

Представляется, что доля истины в подобных суждениях присутствует. Тем более, в контексте ведущихся сегодня разработок соответствующих законопроектов. Так, в 2018 г. Минэкономразвития России подготовило

проект Федерального закона, называющегося «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части повышения гарантий независимости, добросовестности и компетентности арбитражного управляющего в ходе дела о банкротстве» [88]. В числе озвученных в нем предложений – и разделение арбитражных управляющих и должников на группы, и введение системы случайного выбора арбитражных управляющих из Регистра арбитражных управляющих, формируемого Судебным департаментом при Верховном Суде РФ.

В целях того, чтобы арбитражные (конкурсные) управляющие эффективно исполняли свои функции, законодатель наделяет заинтересованных лиц правом обжалования действий (бездействия) таких управляющих. Причем, как следует из материалов судебной практики, преимущественная позиция судов сегодня сводится к усилению ответственности арбитражных управляющих, в том числе, в связи с жалобами на их бездействие в процедурах. Данную тенденцию следует охарактеризовать как положительную, направленную на обеспечение должного уровня защиты прав и интересов лиц, участвующих в производстве по делам о банкротстве.

2.3 Последствия открытия конкурсного производства для бенефициаров должника-банкрота

Важный признак юридических лиц – это «ограниченная ответственность» их участников (учредителей). Однако, в последнее время он стал все активнее нивелироваться. Особенно данное утверждение применимо к конкурсному производству. Как отмечает В.А. Лаптев, современная тенденция – это появление в арсенале налоговых (а также антимонопольных) органов средств, позволяющих оперативно и объективно устанавливать факты «перекрестного владения» бизнесом и определять конечных «бенефициаров», на основании чего заявлять требования о привлечении последних к

ответственности. В подтверждение сказанного автор приводит специальное Письмо ФНС России от 16 августа 2017 г. № СА-4-18/16148@ [38, ст. 127].

Законодатель не мог остаться в стороне от данного процесса. В целях приведения Закона о банкротстве 2002 г. в соответствие со складывающейся практикой, в 2017 г. было принято решение дополнить его новой гл. III.2 (ст.ст. 61.10-61.22), установившей в итоге порядок привлечения к ответственности руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве [108]. По словам О.В. Осипенко, тем самым, в отечественной правовой системе была легализована возможность привлечения к субсидиарной ответственности за неполное погашение требований кредиторов, за необращение (несвоевременное обращение) с заявлением должника о признании его банкротом, за другие нарушения требований, установленных в Законе о банкротстве 2002 г., таких субъектов, как фактические бенефициары, по смыслу Закона, реально «контролирующее должника лицо» [62, ст. 137].

Закон о банкротстве 2002 г. в качестве контролирующего должника лица рассматривает «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность другим образом определять действия должника, например, по совершению сделок и определению их условий». С точки зрения указанного Закона, статус «контролирующее» может иметь лицо, как обладающее юридически формализованными основаниями контроля, так и фактически контроль осуществляющее (ст. 61.10 Закона о банкротстве 2002 г.).

Чтобы иметь возможность контролировать действия должника, лицо может: находиться с должником, вернее, с его директором или иным представителем топ-менеджмента, в родственных (свойственных) отношениях, отношениях должностной подчиненности; обладать полномочиями, связанными с заключением и совершением сделок должника,

например, в соответствии с доверенностью, нормативно-правовым актом и др.; состоять у должника в должности, позволяющей определять его действия (допустим, заместитель генерального директора, финансовый директор, главный бухгалтер); иметь определенные рычаги по оказанию давления на фактических руководителей должника, посредством принуждения к совершению определенных финансово-хозяйственных, организационных и иных действий [100, ст. 17].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ по данному поводу разъяснено, что для осуществления фактического контроля над должником могут использоваться, а потому должны выясняться родственные связи с лицами, которые реально входят в состав органов должника, опосредованное участие в капитале должника и т.п. [66]. В свою очередь, ФНС России придерживается позиции, что свидетельствовать о фактическом контроле может информация о любых неформальных личных отношениях, которые, в том числе, установлены в ходе оперативно-розыскных мероприятий, к примеру, можно использовать сведения о совместном проживании (так называемый, гражданский брак), длительной совместной служебной деятельности (военная, гражданская и иные виды службы), совместном обучении (одноклассники, однокурсники) и т.д. [62, ст. 139].

Также важно учитывать, что по смыслу ч. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве 2002 г. лицо будет считаться «контролирующим должника», если оно соответствует критериям, указанным в этой норме (см. рисунок 7), оспорить (опровергнуть) которые не удалось.

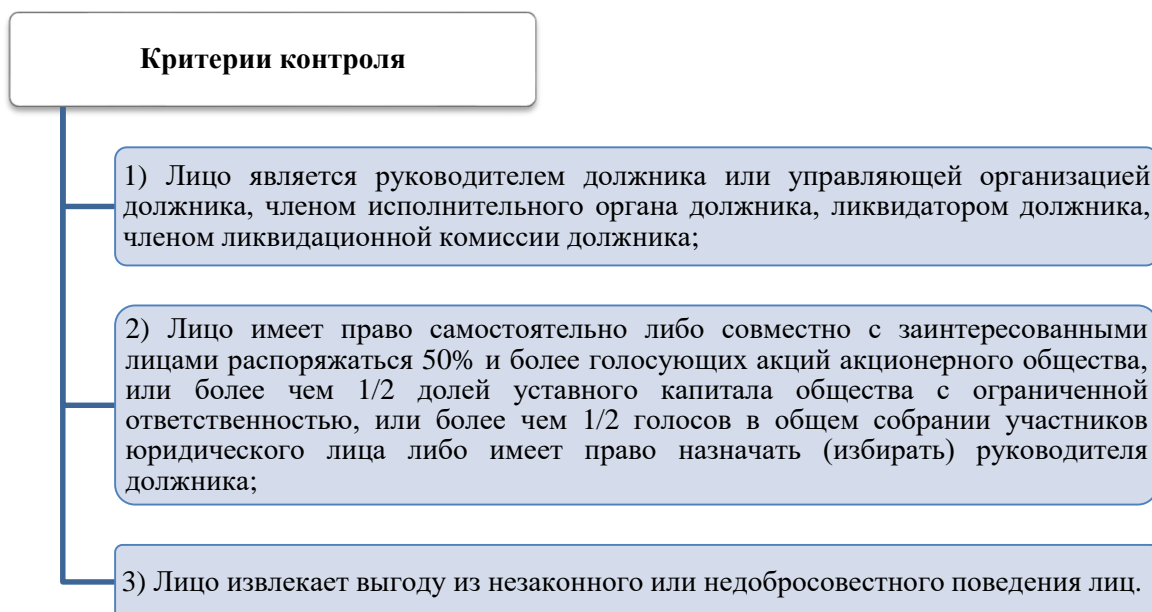

Рисунок 7. Контролирующее должника лицо

Аналоги контролирующего должника лица известны многим зарубежным правовым порядкам. К примеру, в Великобритании, имеющей высокоразвитое корпоративное законодательство, есть такое понятие, как «теневые директора» («shadow directors»). Из буквального толкования (дословного перевода) Закона о компаниях 2006 г. следует, что «теневой» директор – это лицо, в соответствии с указаниями или инструкциями которого осуществляет свои действия фактический директор компании (ст. 251(1) Закона). Проведя анализ британского корпоративного права и судебных прецедентов, где рассматривался статус директоров компании, можно резюмировать, что основным признаком теневого директора – это незанятие должности директора (*de facto* и *de jure*), сопровождаемое, при этом, узурпированием первичного и окончательного принятия всех решений. По отношению к лицу, который в реальности, для третьих лиц, занимает должность директора компании, статус теневого директора является более высоким, второй вправе давать указания первому, направлять его действия. При наличии равноправного положения между несколькими руководителями, исключая явное доминирование одного из них, появление личности теневого директора невозможно [120].

В отечественной литературе появление в Законе о банкротстве 2002 г. новой гл. III.2 (ст.ст. 61.10-61.22), посвященной субсидиарной ответственности контролирующего должника лица, была воспринята крайне положительно. По словам АС. Скоровой, институт привлечения такой категории лиц к субсидиарной ответственности стал дополнительным средством, направленным на предоставление необходимого уровня защиты правам и интересам кредиторов [102, ст. 101]. В свою очередь, судья Верховного Суда РФ И.В. Разумов отмечает, что положения главы III.2 Закона о банкротстве 2002 г., с одной стороны, не внесли каких-либо кардинальных изменений в действовавший и до того материальный правовой статус бенефициаров должников (контролирующих их лиц) и кредиторов, с другой стороны, они повлекли за собой смену подходов в судебном доказывании, а также в мотивировании судебных решений [93, ст. 15]. Именно посредством детализации порядка доказывания контроля над должником у кредиторов появилась реальная возможность на получение удовлетворения за счет средств истинного причинителя вреда. В судебном правоприменении, можно сказать, произошел «расцвет» института субсидиарной ответственности [93, ст. 13].

При этом, наиболее значимый вопрос, который стал выноситься на обсуждение, был связан с определением правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, ее соотношении в том виде, как она установлена в банкротном законодательстве (гл. III.2 Закона о банкротстве 2002 г.), с субсидиарной ответственностью, предусмотренной гражданским законодательством (ст. 399 Гражданского кодекса РФ, далее – ГК РФ) [15]. Многие авторы пытались сформировать на данный счет собственные позиции, нередко прямо противоположные друг другу. Например, В.Ф. Попондопуло и Е.В. Слепченко субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц рассматривали как разновидность договорной ответственности [90, ст. 12]. Т.П. Шишмарева, напротив, видела в ней признаки деликтной ответственности [119, ст. 3]. Точку

в споре в 2019 г. постарался поставить Верховный Суд РФ в Определении от 16 декабря 2019 г. по делу № А04-7886/2016 [56].

Судебная коллегия по экономическим спорам, рассматривая соответствующую кассационную жалобу, подвергла анализу проблему о допустимости и (или) недопустимости перенесения субсидиарной ответственности контролирующего должника лица на его наследников в пределах наследственной массы, т.е. подняла принципиальный вопрос возможности правопреемства в отношении субсидиарной ответственности в делах о банкротстве. Установить его было сложно без комплексного исследования правовой природы субсидиарной ответственности контролирующего должника лица и ее соотнесения с правилами ст. 399 ГК РФ, что, по сути, и сделали судьи высшей судебной инстанции.

При изучении позиции нижестоящих судебных инстанций, Верховный Суд РФ указал на то, что, отказывая в удовлетворении заявления в части привлечения наследников контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам должника в пределах наследственной массы, суды приняли во внимание положения ст. 17, 399, 418, 1110, 1112, 1175 ГК РФ, а также их соответствующее толкование, представленное в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Суды основывались на том, что заявленные требования имеют неразрывную связь с личностью контролирующего должника лица, в связи, с чем на его наследников нельзя возложить обязанность возместить убытки в порядке субсидиарной ответственности. При этом, апелляция и кассация отдельной строкой выделили вывод о том, что субсидиарная ответственность перед кредиторами за доведение до банкротства не может считаться деликтной, т.к. носит дополнительный характер к субсидиарной ответственности, как это закреплено в ст. 399 ГК РФ.

Верховный Суд РФ, рассматривая вопрос о перенесении субсидиарной ответственности в деле о банкротстве на наследников контролирующего

должника лица, данные выводы отверг, отметив, что признание субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в качестве дополнительной ответственности неприемлемо. Формируя такую правовую позицию, судьи исходили из того, что ст. 399 ГК РФ посвящена регламентации дополнительной ответственности, в то время, как субсидиарная ответственность, по смыслу Закона о банкротстве 2020 г., является самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица в случае нарушения им обязанности действовать добросовестным и разумным образом по отношению к кредиторам подконтрольного ему должника. Сказанное свидетельствует о том, что субсидиарная ответственность, предусмотренная Законом о банкротстве 2002 г., подлежит передаче иным лицам, в том числе, наследникам контролирующего должника лица.

В основу данной точки зрения Верховного Суда РФ были положены нормы ст. 418 и 1112 ГК РФ, а также п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9, в соответствии с которыми в состав наследства по общему правилу входит все имущество и долги наследодателя, исключение, при этом, составляют случаи, когда имущественные права и обязанности неразрывно связаны с личностью наследодателя либо когда их переход в порядке наследования исключен федеральным законом.

Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица по обязательствам должника в делах о его банкротстве – это особая разновидность правовой ответственности, согласно требованиям гл. III.2 Закона о банкротстве 2002 г. она наступает в связи с причинением вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лицу должника. Предусмотренные законодательством о банкротстве правила привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве представляют собой совокупность специальных правил о привлечении к субсидиарной ответственности, основанных на нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного юридического лица – должника. Тем более, что

в гражданском законодательстве прямо закреплено, что «правила о субсидиарной ответственности применяются, если иные законодательные акты не устанавливают другой порядок привлечения к субсидиарной ответственности» (ч. 4 ст. 399 ГК РФ). В гл. III.2 Закона о банкротстве 2002 г. как раз и зафиксирован иной порядок по привлечению к субсидиарной ответственности, чем тот, который вытекает из ч.ч. 1-3 ст. 399 ГК РФ. В части, которая не противоречит специальному регулированию законодательства о несостоятельности (банкротстве), к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве подлежат применению положения гл.гл. 25 и 59 ГК РФ, о чем прямо упомянуто в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53. Учитывая все вышеизложенное, обязательства, возникшие из субсидиарной ответственности, должны подчиняться тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников гражданского оборота, что следует из положений ст. 1064 ГК РФ. А, значит, выводы нижестоящих судов о том, что обязанность по возмещению кредиторам убытков, возникающая вследствие привлечения виновного лица к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве, является неразрывно связанной с деятельностью должника, носят ошибочный характер.

В итоге, Верховный Суд РФ резюмировал, что гражданское законодательство не содержит запрета на переход обязательств, вытекающих из привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности, в порядке наследования.

Оценивая заключения, сформулированные в столь объемно процитированном Определении Верховного Суда РФ, можно сказать, что его важность безусловна в плане точного определения правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, установления ее самостоятельного значения. Что касается допущения ее перехода в порядке наследования, то можно допустить возникновение в связи с этим целого ряда новых проблем. Скорее всего, прав судья Арбитражного суда Московской

области П.М. Морхат, предполагающий, что в будущем допустимы ситуации, при которых наследники будут отказываться в принятии наследства по причине опасений привлечения к субсидиарной ответственности и несения в связи с этим немалых объемов судебных расходов [45, ст. 79].

Однако, это не должно ни в коей мере принижать ту важность для формирования стабильного гражданского оборота, которую несут в себе идеи, заложенные в гл. III.2 Закона о банкротстве 2002 г. Стоит поддержать мнение О.В. Осипенко о том, что сегодня реальным бенефициарам компаний и холдингов становится все сложнее прибегать к использованию в качестве юридического и квазизащитного щита в целях защиты от экономической ответственности, и даже уголовного преследования, исполнительные органы и члены советов директоров, избираемых контролирующими ими удерживающими фирмами на собраниях участников (акционеров). Суды все чаще с опорой на нормы закона, в том числе, ст. 53.1 ГК РФ и гл. III.2 Закона о банкротстве 2002 г., «срывают корпоративную вуаль». Несмотря на это, некоторые фактические руководители юридических лиц продолжают эксплуатировать формат «зиц-председателей», самонадеянно игнорируя данный тренд. Но напрасно, ответственность, если не сейчас, то потом может наступить [62, ст. 147].

К настоящему времени уже накоплены правовые позиции, в которых следующим образом была доказана подконтрольность должника конкретному лицу:

— К. фактически определял все действия ООО «РН-Аэро», что следует из письма ОАО «Р» о полномочиях К. по руководству ООО «РН-Аэро» и электронной переписки с ним о необходимости заключения договора с ООО «Р» (сумма взыскания – более 160 млн. руб.) [95];

— Г. является контролирующим лицом Банка, что подтверждается тем, что он давал интервью газете «Ведомости», portalу «Banki.ru», журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах Банка на ближайшую перспективу, у него был рабочий кабинет в Банке, он принимал участие в

переговорах от имени Банка, в ходе которых позиционировал себя его бенефициаром, имеются резолюции Г. на хозяйственной документации Банка (сумма взыскания – более 3,6 млрд. руб.) [96];

— П. обладал возможностью осуществлять полный контроль за деятельностью Банка, поскольку в материалах дела имеются сведения, в том числе, свидетельские показания, о наличии у П. в центральном офисе Банка собственного рабочего кабинета, в котором он проводил встречи с работниками банка и давал им соответствующие указания (сумма взыскания – более 75 млрд. руб.) [54].

В завершении сказанного хочется подчеркнуть, что судебная практика в части применения норм Закона о банкротстве 2002 г. о субсидиарной ответственности фактически контролирующих должника лиц пока еще не носит обширный, распространенный характер. Основные причины этого две: непродолжительный срок действия положений гл. III.2 и исключительная природа такого рода ответственности. Не вызывает сомнения, что при всем повышенном внимании профессионального сообщества к феномену фактического контроля, указанное обстоятельство – это исключение из общего правила, гласящего, что для привлечения к имущественной ответственности субъект должен обладать формально юридическими основаниями на выступление в гражданских правоотношениях от имени и в интересах юридического лица.

Глава 3 Процессуальные особенности рассмотрения дел о несостоятельности банкротстве

3.1 Порядок открытия конкурсного производства

Конкурсное производство – это единственная из всех предусмотренных Законом о банкротстве 2002 г. процедур банкротства, имеющая конечный результат в виде ликвидации должника, влекущей полное прекращение его правоспособности, действия в качестве субъекта права.

Эта процедура распространяется исключительно на юридических лиц. Причем, как следует из статистики, она занимает лидирующее место во всех случаях их банкротства.

В юридической литературе практически нет расхождений по поводу определения конкурсного производства, поскольку оно достаточно лаконично и точно раскрыто в абз. 16 ст. 2 Закона о банкротстве 2002 г.: «конкурсное производство – процедура банкротства, которая применяется к должнику, признанному банкротом, в целях удовлетворить в соразмерном объеме требования кредиторов».

Важно, при этом, подчеркнуть, что конкурсное производство является последним этапом арбитражного управления, наступающим с момента, когда арбитражный суд принимает решение о признании должника банкротом, и оканчивающимся после того, как происходят все расчеты с кредиторами. Как отмечают С.П. Иванова, Д.Н. Земляков и А.Л. Баранников конкурсное производство не предполагает восстановления платежеспособности должника, поскольку ранее (на предыдущих этапах) уже были получены достаточные доказательства того, что оно является невозможным [19, ст. 120]. В свою очередь, О.А. Городов справедливо резюмирует, что конкурсное производство – это собственно и есть банкротство [7].

Учитывая то значение, которое и законодатель, и правоприменительная практика придают конкурсному производству, можно предположить, что

требования о порядке его открытия должны иметь достаточно разработанный вид. Однако, по факту такового нет. В Законе о банкротстве 2002 г. конкурсному производству посвящены нормы гл. VII (ст.ст. 124-149). Есть на данный счет и специальные положения АПК РФ, речь идет о его гл. 28, включающей три статьи (ст.ст. 223-225). Но с их помощью раскрываются процедурные моменты, связанные с уже открытым конкурсным производством, что этому предшествует, не определяется. Последовательность таких действий можно установить лишь путем обращения к иным нормативным положениям.

Как уже было установлено по ходу настоящего исследования, инициатива на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом принадлежит: самому должнику, его конкурсным кредиторам, уполномоченному органу и иным заинтересованным лицам.

Признав заявленные требования обоснованными, арбитражный суд возбуждает производство по делу о банкротстве (в картотеке арбитражных дел <https://kad.arbitr.ru/> такие дела обозначаются специальным значком «Б»). Далее, как следует из ч. 1 ст. 53 Закона о банкротстве 2002 г., арбитражный суд приступает к анализу наличия оснований для признания должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Положительное решение принимается, если суд устанавливает соответствие должника признакам банкротства, предусмотренным в ст. 3 Закона о банкротстве 2002 г. В противном случае, суд вправе: оставить заявление о признании должника банкротом без рассмотрения, ввести процедуры по финансовому оздоровлению или внешнему управлению, утвердить мировое соглашение или прекратить производство по делу [8, ст. 97].

Однако в законодательстве о банкротстве в РФ в обязательном порядке предполагает принятие решения судом в пользу одной из сторон спора, инициатива по изменению предмета, основания иска, его подаче, а также вопрос о заключении мирового соглашения также должна исходить от самого банкрота или его кредиторов. Одновременно с этим, в мировой практике

существуют дела, когда суд исходя из отсутствия соответствующей практики, нежеланием принимать решения полностью дескредитирующих крупных игроков рынка, самостоятельно назначал такую процедуру, как мировое соглашение, которое в отличие от российской практики, где оно должно содержать в себе обеспечение требований в виде залога, содержит лишь договоренности между сторонами об исполнении такого соглашения. Основным примером такого громкого разбирательства можно назвать мировое соглашение по групповому иску, которое санкционировано Федеральным окружным судом США, Восточный округ, Нью-Йорк. Сумма соглашения в размере 6,2 млрд. долларов вытекала из необоснованной комиссии платежных систем Visa и Mastercard установленных для банков США с 1 января 2004 года по 25 января 2019 года [121].

Непринятие решения по заключению такого мирового соглашения самим судом и вынесение им решения о взыскании заявленных требований, стало бы губительным не только для финансовой системы США, но и всего мира.

Именно поэтому, как в мире, так и из судебной практики формируемой на территории России отчетливо усматривается более долгое и тщательное рассмотрение заявлений о признании должников банкротами или исков направленных на инициирование таких разбирательств, со стороны кредиторов.

В случае обращения в арбитражный суд с соответствующим заявлением от имени самого должника, первый должен дать оценку первому собранию кредиторов, предшествующему принятию решения об инициировании банкротства должника и открытии в отношении него конкурсного производства. Указанное решение должно соответствовать критериям законности и обоснованности, подкрепляться необходимым пакетом документов. Возможно, при этом, представление доказательств, свидетельствующих о невозможности применения к должнику процедур банкротства, связанных с восстановлением его платежеспособности, –

внешнего управления и финансового оздоровления. Если к должнику применялась такая мера, как наблюдение, то изучению подлежит отчет временного управляющего о финансовом состоянии должника. Конкурсное производство будет открыто при наличии в отчете следующих данных:

- должник не имеет достаточного объема денежных средств и имущества, чтобы погасить все требования кредиторов, включенных в реестр;
- восстановление платежеспособности должника является невозможным;
- у должника имеются денежные средства (имущество), позволяющие оплатить все судебные издержки;
- нет признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Изученные при подготовке к написанию настоящей работы материалы арбитражной практики свидетельствуют о том, что суды, рассматривая обращения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, данные положения преимущественно применяют. В качестве примера можно привести материалы дела № А03-22360/2014, дошедшие до рассмотрения Верховным Судом РФ [53].

Арбитражный суд первой инстанции своим решением от 2 ноября 2015 г. признал несостоятельным (банкротом) ООО «Научно-производственное хозяйство «Целинное», открыл в отношении него конкурсное производство. Данное решение устояло и в апелляции, и в кассации. Верховный Суд РФ, отказывая в передаче жалобы в Судебную коллегию по экономическим спорам посчитал, что все суды сделали верный вывод о наличии оснований для признания Общества банкротом, поскольку у него имелись признаки банкротства, и отсутствовала возможность для применения какой-либо иной процедуры банкротства. Верховный Суд РФ, в частности, отметил:

Доводы кассационной жалобы одного из кредиторов о том, что введение в отношении Общества процедуры конкурсного производства не является экономически обоснованным (в отличие от процедуры внешнего управления), потому что имущество Общества будет выставлено на торги и реализовано по

цене, не достаточной для удовлетворения требований кредиторов, суд верно отклонил, т.к. в соответствии с абз. 15 ст. 2 Закона о банкротстве 2002 г. цель применения к должнику процедуры внешнего управления заключается в восстановлении его платежеспособности, тогда как заявитель (исходя из доводов кассационной жалобы) преследует цель в виде погашения требований кредиторов. На достижение последней цели как раз и направлена процедура конкурсного производства (абз. 16 ст. 2 Закона о банкротстве 2002 г.).

Еще один довод заявителя об отсутствии достаточных оснований для признания Общества банкротом ввиду того, что значительный объем включенных в реестр требований кредиторов составляют обязательства Общества как поручителя за аффилированных лиц, которые могут быть погашены в рамках дел о банкротстве основных заемщиков, суд также справедливо отклонил. Как следует из ч. 1 ст. 53 Закона о банкротстве 2002 г. решение арбитражного суда о признании должника – юридического лица банкротом и об открытии в отношении него конкурсного производства принимается, если установлены признаки банкротства, предусмотренные ст. 3 Закона о банкротстве 2002 г. На основании изучения представленных в материалы дела документов, было определено, что размер требований кредиторов превышает стоимость активов Общества, деятельность Общества носит убыточный характер, а восстановление его платежеспособности в отсутствие финансовых вложений является невозможным. Значит, суды законно и обоснованно постановили о неспособности Общества удовлетворить требования кредиторов и о необходимости ввести в отношении него процедуры конкурсного производства.

Факт открытия конкурсного производства является крайне важным для всех заинтересованных лиц. Как отмечает А.В. Егоров, основное предназначение конкурсного производства сводится к управлению активами должника, сбору и взысканию прав требования, реализации имущества (извлечение его стоимости), другими словами, переводу конкурсной массы в деньги. Все это сфера ответственности конкурсного управляющего, который в

идеале должен совершить все эти действия достаточно оперативно и качественно. Следующая цель конкурсного производства прямо вытекает из первой – распределить образованную в итоге денежную массу между кредиторами, соблюдая, при этом, их очередность, закрепленную Законом, и пропорциональность в рамках одной очереди. Достижению этих двух целей преимущественно подчинены все предусмотренные Законом о банкротстве 2002 г. последствия открытия конкурсного производства [16, ст. 114].

Все правовые последствия такой процедуры подробно перечислены в ст. 126 Закона о банкротстве 2002 года. В рамках настоящего параграфа видится необходимым остановить внимание на наиболее значимых из них.

Согласно абз. 3 ч. 1 ст. 126 Закона о банкротстве 2002 г. прекращается начисление процентов, неустоек, штрафов, пени и иных санкций вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения должником имеющихся у него денежных обязательств. После того, как исходя из более общей, нормы проценты начинают прекращаться со стадии наблюдения, значение данной нормы существенно редуцировано. В свою очередь, в соответствии с абз. 9 ч. 1 ст. 126 Закона о банкротстве 2002 г. с даты, когда арбитражный суд открывает конкурсное производство, никакие новые ограничения в части распоряжения имуществом должника не допускаются. В качестве таких мер следует понимать не только обеспечительные меры, накладываемые судами и/или судебными приставами-исполнителями, но и, к примеру, решения налоговых органов, которыми приостанавливаются операции по счетам налогоплательщика.

Последний случай подробно рассмотрен по тексту Постановления Президиума ВАС РФ от 18 декабря 2007 г. № 6615/07 [75]. На момент его принятия уже имелась обширная практика нижестоящих судов, полагающих, что приостановление операций по счетам – это ограничение распоряжения имуществом должника а, значит, банк на стадии конкурсного производства не вправе принимать такие требования к исполнению, поскольку они не

соответствуют требованиям закона. По сути, Президиум своим Постановлением закрепил правомерность ранее высказанных позиций.

При изучении последствий открытия конкурсного производства важно обратить внимание на срок, в течение которого оно может осуществляться.

В ч. 2 ст. 126 Закона о банкротстве 2002 г. сказано, что введение конкурсного производства происходит на срок до шести месяцев. Согласно рекомендации ныне упраздненного ВАС РФ, озвученной в Постановлении его Пленума от 22 июня 2012 г. № 35, точный срок конкурсного производства устанавливается арбитражный суд, выносящий решение о признании должника банкротом, его исчисление начинается от даты принятия указанного решения, а в случае, если резолютивная часть решения объявлялась отдельно, то от даты этого объявления [67]. Также к компетенции арбитражного суда относится возможность продления определенного срока конкурсного производства еще на шесть месяцев, при поступлении ходатайства конкурсного управляющего об этом. При этом, общее число таких продлений законодателем не ограничивается. Вследствие чего, в научной среде ведется дискуссия по вопросу о максимальной продолжительности конкурсного производства.

Так, Е.Е. Енькова и О.А. Никитина считают, что право на продление срока конкурсного производства должно быть исключительным, но, между тем, необходимым, поскольку в некоторых случаях его действительно оказывается явно недостаточно для полноценной реализации столь сложной процедуры, особенно, если речь идет о крупных компаниях [17, ст. 81; 47 ст. 15]. Тем не менее, имеется и прямо противоположная точка зрения, согласно которой в Законе о банкротстве 2002 г. должен быть зафиксирован пресекательный срок конкурсного производства, в том числе, в целях недопущения злоупотреблений, затягивания процесса [46, ст. 250].

Суды, при этом, придерживаются подхода, рекомендованного Пленумом ВАС РФ в уже названном выше Постановлении от 22 июня 2012 г. № 35 (абз. 7 п. 50). В соответствии с ним, в исключительных ситуациях

неоднократное продление срока конкурсного производства является допустимым, если это необходимо для того, чтобы реализовать имущество должника, завершить расчеты с его кредиторами или рассмотреть заявление о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Подтверждение этому можно, в частности, обнаружить в одном из решений, вынесенных по делу № А47-9793/2010 по поводу банкротства ООО «Агропромышленный комплекс «Золотой колос».

В связи с тем, что Закон о банкротстве 2002 г. не предусматривает и оснований для продления сроков конкурсного производства, в правоприменительной практике считается, что арбитражный суд в каждом конкретном случае должен выяснять все имеющиеся для этого причины, их достоверность и достаточность.

Так, в ходе конкурсного производства ООО «Инвестиционная компания «Спутник» по ходатайству конкурсного управляющего конкурсное производство продлевалось несколько раз. Кредиторы, не согласившись с очередным продлением, подали жалобу. По их мнению, несмотря на многочисленные продления, реального погашения кредиторской задолженности перед ними не производилось; в нарушение решения, принятого на общем собрании кредиторов Общества в мае 2014 г., конкурсный управляющий должника не обратился с заявлением о прекращении процедуры банкротства; средства на ведение процедуры банкротства у должника отсутствуют; согласие на дальнейшее финансирование процедуры банкротства от лиц, участвующих в деле, не поступало. Отказывая в удовлетворении жалобы конкурсных кредиторов, суд указал, что в обоснование ходатайства о продлении процедуры конкурсного производства конкурсный управляющий Верещак Н.П. предоставил информацию, свидетельствующую о наличии у должника имущества, в том числе, в виде дебиторской задолженности, за счет которой могут быть погашены расходы на процедуру банкротства. В частности, конкурсный управляющий привел сведения о том, что им направлялся в службу судебных приставов на

исполнение исполнительный лист, выданный на основании постановления Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июля 2014 г. по делу № А66-5722/2012, которым с Гущина С.В. в пользу Общества взыскано 11 899 700 руб. убытков. Оценив имеющиеся доказательства на предмет их относимости, допустимости и достаточности, арбитражный суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о возможности продлить срок конкурсного производства. Апелляционный суд его поддержал. Поскольку цель введения процедуры конкурсного производства – выявление имущества должника для формирования конкурсной массы и удовлетворения требований конкурсных кредиторов, суд обязан способствовать наиболее полному выполнению конкурсным управляющим всех необходимых мероприятий [86].

В целом, можно предположить, что решение законодателя не устанавливать какие-либо максимальные сроки конкурсного производства является оптимальным, отдавая разрешение данного вопроса на откуп арбитражным судам, оценивающим применительно к конкретным делам все обстоятельства, позволяющие либо не позволяющие продлевать срок.

Каждое дело, связанное с банкротством юридических лиц, строится с учетом общих принципов его проведения, которые заложены в законодательстве. Все дела преследуют, при этом, единую цель – проведение расчетов с кредиторами и освобождение от долгов. Понятно, что не в каждом производстве участники дела о банкротстве имеют схожие интересы и совместными усилиями добиваются их достижения. Важно учитывать, и ситуацию, предшествующую банкротству, срок ведения предпринимательской деятельности, ее объемы, число кредиторов и дебиторов и т.д. Следовательно, любое конкурсное производство – это уникальный процесс, сводить его к какой-либо единой модели нельзя. Задача законодателя – с одной стороны, установить четкие границы конкурсного производства, за которые нельзя выходить, а, с другой стороны, оставить все нюансы на усмотрение участников дела и арбитражного суда.

3.2. Последствия прекращения и завершения конкурсного производства

Принятие решения о признании должника банкротом – это в любом случае не заключительный этап его несостоятельности. Вынесенное решение влечет за собой важное правовое последствие в виде открытия конкурсного производства (ст. 124 Закона о банкротстве 2002 г.). После этого наступает самый активный этап, причем, не только для конкурсного управляющего, но и для арбитражного суда, который продолжает рассмотрение и разрешение предъявляемых кредиторами требований, различных жалоб и ходатайств.

Конкурсное производство по итогу может (и должно) прекратиться или завершиться, причем, важно понимать, что это не одно и то же.

По словам С.С. Галкина, институт прекращения производства по делу о банкротстве, включающий в себя правовые нормы, регламентирующие порядок и основания прекращения, юридических и фактических действий участников конкурсных отношений и суда, рассматривающего дело о банкротстве, – это специальное конкурсно-правовое средство защиты прав и законных интересов должника и его кредиторов [12, ст. 54].

Процессуальную основу прекращения производства по делу о банкротстве составляет гл. 18 АПК РФ. При том, что основания для такого прекращения содержит ст. 57 Закона о банкротстве 2002 г. Перечень оснований для прекращения производства по делу о банкротстве носит открытый характер, о чем прямо свидетельствует положение ч. 1 ст. 57, гласящее: «в иных предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях».

Непосредственно закрепленные в ч. 1 ст. 57 Закона о банкротстве 2002 г. основания могут быть условно разбиты на несколько групп: основания, свидетельствующие о восстановлении платежеспособности должника по результатам проведения оздоровительных процедур (абз. 2 и 3 ч. 1 ст. 57 Закона); основания, вытекающие из удовлетворения требований кредиторов

или отказа кредиторов от заявленных требований, а также из достижения соглашения между кредиторами и должником о новом порядке погашения долга, оформляемого посредством заключения мирового соглашения (абз. 4, 6 и 7 ч. 1 ст. 57 Закона); основания, предполагающие признание необоснованными требований заявителя-кредитора, либо связанные с отсутствием необходимого объема денежных средств (иного имущества), позволяющих профинансировать процедуры банкротства (абз. 5 и 8 ч. 1 Закона).

Выше названы общие основания прекращения производства по делу о банкротстве. При том, что в ст. 146 Закона о банкротстве 2002 г. имеется специальное основание для прекращения собственно конкурсного производства.

Как сказано в ч. 1 ст. 146 Закона о банкротстве 2002 г., в случае, когда в ходе конкурсного производства у конкурсного управляющего появляются веские и достаточные основания, в том числе, подтвержденные данными финансового анализа, предположить, что платежеспособность должника можно восстановить, на него возлагается обязанность по созыву внеочередного собрания кредиторов. Таковое должно быть сделано в срок, не превышающий один месяц, с момента обнаружения названных обстоятельств. В рамках собрания следует рассмотреть вопрос об обращении в арбитражный суд с ходатайством о прекращении конкурсного производства и переходе к внешнему управлению. Для утверждения решения необходимо простое (неквалифицированное) большинство голосов от общего количества голосов кредиторов, требования которых включены в реестр требований кредиторов и не погашены к моменту проведения указанного собрания кредиторов. В принятом решении отражается предлагаемый срок внешнего управления и требования к кандидатуре внешнего управляющего.

При согласовании всех условий решения собрания кредиторов о прекращении конкурсного производства и переходе к внешнему управлению следует учитывать требование ч. 2 ст. 146 Закона о банкротстве 2002 г. Из него

следует, во-первых, обязательное наличие непогашенных требований кредиторов, во-вторых, достаточный объем имущества, позволяющий продолжить финансово-хозяйственную деятельность, а, в-третьих, неприменение к должнику ранее финансового оздоровления и внешнего управления.

Принятое решение служит основанием для подачи конкурсным управляющим в арбитражный суд соответствующего ходатайства. Если суд находит его достаточным, то своим определением он прекращает конкурсное производство и назначает внешнее управление.

В качестве иллюстрации сказанного можно привести материалы дела № А63-6952/2018. В рамках дела о банкротстве ООО «Полигон Яр» его конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о прекращении процедуры конкурсного производства и переходе к процедуре внешнего управления. Определением суда первой инстанции от 27 августа 2020 г., оставленным без изменения постановлениями судов апелляционной инстанции от 2 октября 2020 г. и округа от 16 декабря 2020 г., процедура конкурсного производства в отношении ООО «Полигон Яр» была прекращена, взамен нее введена процедура внешнего управления сроком на 18 месяцев, в качестве внешнего управляющего утвержден Фатиев М.С. Один из кредиторов должника Гнедых Е.А., не согласившись с принятыми актами, подал кассационную жалобу в Верховный Суд РФ. Последний оснований для передачи жалобы на рассмотрение Судебной коллегии не усмотрел. При этом, было указано, что при решении вопроса об обоснованности введения по отношению к ООО «Полигон Яр» процедуры внешнего управления суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился суд округа, руководствовались ст. 146 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ и исходили из наличия решения собрания кредиторов о введении процедуры, достаточности имущества должника и штата сотрудников для продолжения деятельности и возможности восстановления платежеспособности [49].

Учитывая, что вынесенное арбитражным судом определение о прекращении конкурсного производства и перехода к внешнему управлению является юридическим фактом, оно влечет за собой наступление целого ряда правовых последствий (см. рисунок 8), которые, в первую очередь, изменяют характер взаимоотношений должника с его конкурсными кредиторами.

- прекращаются ограничения органов управления должника, предусмотренные главой VII Закона о банкротстве 2002 г.;
- открывается реестр требований кредиторов;
- требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, возникшие в ходе конкурсного производства, считаются текущими с даты вынесения определения о переходе к внешнему управлению;
- требования кредиторов по обязательствам, срок исполнения которых в соответствии с условиями обязательств не наступил на момент открытия конкурсного производства, также считаются текущими с даты вынесения определения о переходе к внешнему управлению;
- требования, удовлетворенные в ходе конкурсного производства, считаются погашенными и не подлежат восстановлению.

Рисунок 8. Последствия прекращения конкурсного производства и перехода к внешнему управлению

В ч. 5 ст. 53 Закона о банкротстве 2002 г. предусмотрено важное правило о возможности обжалования заинтересованными лицами определения арбитражного суда, которым прекращается конкурсное производство и утверждается внешнее управление. Причем, в случае оспаривания такого определения его действие не приостанавливается.

Когда оснований для перехода к внешнему управлению нет, единственным возможным итогом конкурсного производства становится его завершение.

Важным в данном плане документом является отчет конкурсного управляющего о результатах проведения конкурсного производства, которому всецело посвящена ст. 147 Закона о банкротстве 2002 г. При этом, ни в одной из частей указанной статьи нет каких-либо четких требований к структуре

(содержанию) такого отчета, срокам его составления и представления в арбитражный суд.

Анализ юридической литературы позволяет прийти к выводу о том, что в рассматриваемом отчете должны быть отражены: точный размер задолженности должника, определенный конкурсным управляющим; объем сформированной им конкурсной массы должника; меры, которые предпринял конкурсный управляющий в целях выявления и истребования имущества должника, в том числе, от третьих лиц; итоги реализации имущества должника; результаты расчетов, произведенных с кредиторами; размер расходов, понесенных при осуществлении конкурсного производства [7, ст. 523].

Что касается временного периода для оформления отчета, то, представляется, что он должен соответствовать общим срокам конкурсного производства.

А вот состав приложений к отчету конкурсного управляющего о результатах проведения конкурсного производства законодатель устанавливает. В ч. 2 ст. 147 Закона о банкротстве 2002 г. предусмотрено, что отчет должны сопровождать:

— документы, которые подтверждают сделки о реализации имущества должника, к примеру, договоры купли-продажи, заключенные по правилам ст. 139 Закона о банкротстве 2002 г.;

— реестр требований кредиторов с указанием тех, которые были погашены, причем по поводу последних обязательно документальное обоснование (расписки, соглашения об отступном и т.д.);

— информация о передаче в территориальный орган ПФР необходимых сведений персонифицированного учета по обязательному пенсионному страхованию;

— перечень требований 1) кредиторов по текущим обязательствам, которые не были удовлетворены в связи с недостатком денежных средств, и 2) кредиторов, имеющих хотя и обоснованные требования, но которые также

остались неудовлетворенными по причине отсутствия необходимого объема денежных средств.

Е.Б. Лаутс предлагает включать в данный список еще и ликвидационный баланс [39, ст. 349]. Между тем, данное предложение видится излишним, поскольку данные, включаемые в ликвидационный баланс, по сути, дублируют информацию из практически всех описанных выше приложений к отчету, перечисленных в ч. 2 ст. 147 Закона о банкротстве 2002 г.

Что немаловажно, о составлении отчета и передаче его на рассмотрение арбитражного суда конкурсный управляющий в обязательном порядке уведомляет всех конкурсных кредиторов и уполномоченный орган.

Как указано в ч. 1 ст. 149 Закона о банкротстве 2002 г., по итогам рассмотрения арбитражным судом отчета конкурсного управляющего выносится определение о завершении конкурсного производства. Важное значение указанного судебного акта (определения) проявляется в том, что он представляет собой основание для внесения в ЕГРЮЛ записи о том, что должник ликвидирован (ч. 3 ст. 149 Закона о банкротстве 2002 г.).

В соответствии с ч. 9 ст. 63 ГК РФ ликвидация юридического лица считается завершённой, а юридическое лицо – прекратившим свое существование после того, как сведения о его прекращении вносятся в ЕГРЮЛ. Аналогичное правило присутствует и в п. 6 ст. 22 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [112]. В процитированных нормах очень важна фраза «после внесения», т.к. в правоприменении могут возникать (и возникают) вопросы по поводу определения конкретной даты, с которой необходимо связывать прекращение всего объема правоспособности юридического лица. Согласно позиции, выработанной в судебной практике, ликвидируемое юридическое лицо рассматривается как прекратившее свое существование с даты, которая следует за датой внесения записи о ликвидации в ЕГРЮЛ [74]. Иными словами, если запись «о прекращении деятельности юридического лица»

вносится в реестр 1 июня 2021 г., то фактически это лицо прекратит свою деятельность только 2 июня 2021 г.

Основополагающее правовое последствие ликвидации юридического лица, в том числе, и как итога конкурсного производства, закреплено в ч. 1 ст. 61 ГК РФ – это полное и бесповоротное прекращение его существования в качестве субъекта любых правоотношений (обязательственных, налоговых, трудовых и т.д.).

При этом, как разъяснено в п. 48 уже рассмотренного ранее Постановления Пленума ВАС РФ от 15 декабря 2004 г. № 29, арбитражный суд может рассматривать и разрешать разногласия, заявления, ходатайства и жалобы в деле о банкротстве до момента внесения записи о ликвидации должника в ЕГРЮЛ. После такого факта, подтвержденного конкурсным управляющим либо регистрирующим органом, арбитражный суд должен вынести определение о прекращении производства по всем разногласиям, заявлениям, ходатайствам и жалобам. Толкование, приведенное в п. 48 указанного Постановления, также гласит, что рассмотрение каких-либо требований к должнику в качестве стороны спора после того, как он был ликвидирован, недопустимо по причине отсутствия одной из сторон спора [60]. М.П. Божко и Д.А. Галанцев дополняют данный вывод важным замечанием о том, что иной подход будет противоречить самой логике конкурсного производства, ведь вследствие его завершения конкурсная масса перестает существовать как таковая, соответственно, все требования кредиторов к должнику получают статус «полностью погашенных» и никаких новых требований к нему предъявить уже нельзя [10, ст. 32].

Однако, из данного правила есть исключение. Оно не распространяется на возможность привлечения к субсидиарной ответственности руководителей, участников должника и контролирующих его лиц. Как следует из абз. 1 ч. 6 ст. 61.14 Закона о банкротстве 2002 г. (действующего с 1 июля 2017 г.): «заявление о привлечении к ответственности по основаниям, предусмотренным главой III.2, можно подать не позднее трех лет со дня

завершения конкурсного производства в случае, если лицо, имеющее право на подачу такого заявления, узнало или должно было узнать о наличии соответствующего основания для привлечения к субсидиарной ответственности после завершения конкурсного производства, но не позднее десяти лет со дня, когда имели место действия и (или) бездействие, являющиеся основанием для привлечения к ответственности, если аналогичное требование по тем же основаниям и к тем же лицам не было предъявлено и рассмотрено в деле о банкротстве». Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 21 декабря 2017 г. № 53, уже называемого выше по тексту, придерживается мнения о том, что процитированная норма представляет собой исключение из общих правил об исковой давности. Дословно высшей судебной инстанцией сказано: «Срок, зафиксированный в абз. 1 ч. 6 ст. 61.14 Закона о банкротстве – это специальный срок исковой давности (ч. 1 ст. 197 ГК РФ), начало течения которого обуславливается субъективным фактором (моментом осведомленности заинтересованных лиц)» (п. 58 Постановления).

Помимо субсидиарной ответственности, заинтересованные лица не лишены возможности в течение общего срока исковой давности (в три года) предъявить бывшим руководителям и участникам должника, контролирующим должника лицам требование о взыскании убытков, которые возникли вследствие их неразумных и недобросовестных действий, повлекших за собой банкротство юридического лица. Основывать свое требование в таком случае необходимо на ст. 15 ГК РФ.

Из сказанного следует вывод, что даже факт завершения конкурсного производства и внесения записи в ЕГРЮЛ о ликвидации должника не всегда будет являться «точкой невозврата» для его кредиторов. Любой из них, считающий, что он не получил удовлетворения всех своих требований, вправе предъявить иск о взыскании убытков с бывшего руководителя должника, а также контролирующих должника лиц уже после того, как конкурсное производство прекратилось, но уже по правилам искового производства.

Можно предположить, что такой подход является обоснованным и справедливым. Однако, как уже не раз было отмечено выше, в каждом конкретном случае суд обязан выяснять все обстоятельства дела, в том числе, сроки исковой давности, их начало и окончание, мотивируя свое решение ссылками на примененные нормы.

3.3 Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики несостоятельности (банкротства)

В рамках настоящего исследования не единожды был поднят вопрос о наличии недостатков в действующем механизме несостоятельности (банкротства), а также о формировании неоднозначной правоприменительной практики в данной сфере общественных отношений. Публикуемые высшими судебными инстанциями соответствующие разъяснения, издаваемые отдельными группами авторов специальные пособия обобщающего характера [103, ст. 447; 104, ст. 368; 41, ст. 253], не устраняют всех возникающих трудностей. В рамках настоящего параграфа представляется возможным сфокусировать внимание на такой актуальной проблеме, как злоупотребления в конкурсном производстве.

В производстве по делам о банкротстве, особенно на такой его стадии, как конкурсное производство, крайне наглядно проявляется важность соблюдения достаточно разработанного в цивилистической доктрине принципа добросовестности, которому в последнее время уделяют пристальное внимание и специалисты в правоотношениях несостоятельности [33, ст. 46]. Достижение поставленных перед институтом банкротства ключевых целей в отсутствие этого принципа представляется маловероятным. Добросовестность предполагает, что стороны правоотношения будут реализовывать свои права и законные интересы, не злоупотребляя ими, а обязанности будут исполнять в строгом соответствии с нормативными и договорными предписаниями. Вместе с тем, судебная практика показывает,

что и должник, и кредиторы, и арбитражный управляющий не всегда являются добросовестными [51].

Д.О. Османова справедливо указывает, что конкурсное производство предполагает совершение большого числа действий и реализацию широких полномочий, в первую очередь, тех, которые связаны с включением ликвидного имущества в конкурсную массу, это: обжалование действий должника и заинтересованных лиц, выраженных в заключении сделок (институт оспаривания сделок); эффективное использование наличествующих активов (институт снятия арестов и ограничений, институт освобождения руководства должника от исполнения своих обязанностей); наиболее выгодная продажа активов должника (институт реализации имущества должника); пропорциональное и поочередное удовлетворение требований кредиторов должника (институт расчетов с кредиторами должника); прекращение долговых обязательств собственниками должника (институт исполнения обязательств учредителями должника – унитарного предприятия); восстановление платежеспособности должника (институт замещения активов должника) и др. Далее резюмируется, что на каждом этапе конкурсного производства, так или иначе, возможны злоупотребления [63, ст. 122].

Э.Ю. Олевинский, в свою очередь, к наиболее проблематичным процедурам в части злоупотреблений относит: соблюдение очередности удовлетворения кредиторов, оспаривание действий должника, расходование конкурсной массы, обеспечение требований текущих кредиторов, обжалование действий конкурсного управляющего [63, ст. 79].

Соглашаясь с указанными авторами, но, учитывая ограниченные рамки настоящего исследования, не позволяющие выделить все возникающие в ходе конкурсного производства факты злоупотреблений, видится возможным остановиться на изучении такого вопроса, как реализация имущества должника, поскольку именно на данной стадии возникает большое число нарушений со стороны различных участвующих лиц, но, прежде всего, самих должников и их конкурсных управляющих.

Как отмечает М.С. Кудинова, порядок продажи имущества юридического лица – банкрота регламентируется не только нормами ст.ст. 110, 111 и 139 Закона о банкротстве 2002 г., но и посредством еще целого ряда актов, среди которых: ГК РФ, Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», Приказ Минэкономразвития России от 23 июля 2015 г. № 495, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22 декабря 2005 г. № 101 и др. Однако, невзирая на столь внушительный объем нормативных требований, на практике действующий механизм реализации имущества должника не во всех случаях позволяет обеспечивать должный уровень защиты от злоупотреблений и даже прямых нарушений правовых норм [36, ст. 95].

Полный алгоритм процедуры реализации имущества должника представлен на рисунке 9, причем, все выделенные действия относятся к сфере ответственности конкурсного управляющего.

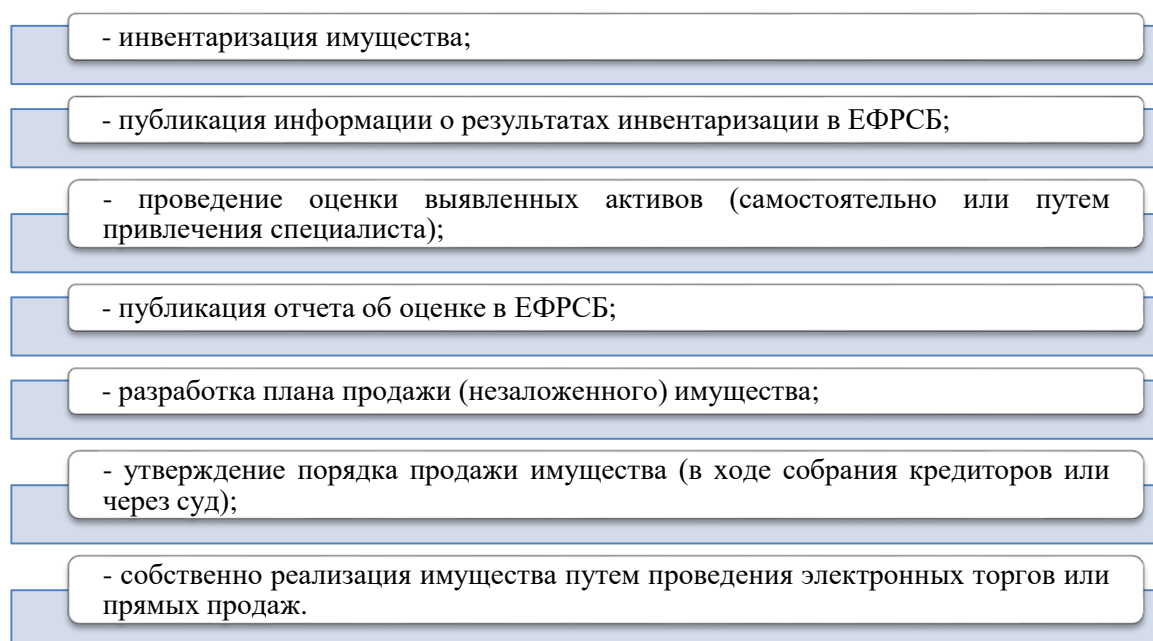

Рисунок 9. Порядок реализации (продажи) имущества должника конкурсным кредитором

Изучение опубликованных монографий и статей на тему злоупотреблений в процессе реализации имущества должника, а также сформированной на данный счет арбитражной практики, позволяет заключить, что большое число злоупотреблений из представленного алгоритма действий приходится на этап проведения оценки имущества должника.

Согласно общему правилу, начальная продажная цена имущества должника определяется путем проведения оценки, по результатам которой составляется отчет. Необходимо, чтобы в указанном документе содержалась объективная и достоверная информация, вместе с тем, на практике ситуация нередко является иной.

Важность отсутствия ошибок в отчете обусловлена тем, что вопреки законодательно закрепленной возможности обжалования указанного документа (ч. 6 ст. 130 Закона о банкротстве 2002 г.), при применении механизма возможно причинение существенного ущерба, как самому должнику, так и его кредиторам.

Судами к настоящему времени выработан ряд правовых позиций, связанных с процедурой оспаривания отчета. Одна из них заключается в том, что заинтересованное лицо, на случай несогласия с составленным отчетом, должно прибегнуть к правилам искового производства. Соответствующий подход был предложен ныне упраздненным ВАС РФ [73]. Однако, им же была сформирована и прямо противоположная точка зрения, предполагающая невозможность самостоятельного обжалования указанного акта. Согласно ей, отчет можно оспорить только в рамках обжалования судебного акта, в основу которого были положены данные из этого документа [82].

Вместе с тем, какой бы порядок ни был избран сторонами, важно учитывать общую судебную тенденцию, которая сводится к отказу в удовлетворении заявленных требований и оставлению того результата оценки, который был представлен управляющим. Соответствующие решения встречаются в практике многих арбитражных судов [81].

Анализируя их, Д.О. Османова указывает, что справедливый, достоверный отчет о стоимости имущества должника играет важную роль в конкурсном производстве. От того, какой в итоге будет стоимость имущества, может зависеть количество участников соответствующих торгов, их желание приобрести/не приобрести выставляемые активы. Чрезмерное завышение, равно как и необоснованное занижение цены, одинаково будет невыгодным и для должника, и для добросовестных кредиторов. Ситуация усугубляется тем, что в рамках процедуры торгов ошибки (намеренные или случайные) на стадии проведения оценки могут быть исправлены в рамках конкурентной борьбы. Однако, некорректный отчет в совокупности с манипулированием механизмом торгов исключает возможность реализации указанным институтом той цели, которая заложена в него законодателем [63, ст. 124]. На основании этого, автор высказывает верное предположение, что в рамках конкурсного производства должны подвергаться тщательной проверке (в первую очередь, со стороны арбитражных судов) не только лица, участвующие в торгах по поводу имущества должника, но и лица, привлекаемые конкурсным управляющим к составлению отчета о стоимости имущества должника, выставляемого на торги [63, ст. 127].

Выявление злоупотреблений на стадии подготовки отчета об оценке стоимости имущества должника должно быть основанием для назначения отдельного судебного заседания, направленного на рассмотрение и разрешение вопроса о возможности назначить независимую судебную оценку, особенно, в случаях, когда участники разбирательства (в том числе, из-за недостаточности средств) не могут предложить услуги собственных экспертных организаций. Выбор экспертного учреждения в таком случае должен быть передан на усмотрение суда. Видится, что применение такого подхода позволит нивелировать злоупотребления, возникающие в связи с составлением стоимостных отчетов.

В целом, важно понимать, что полностью исключить ситуации, когда должники, кредиторы, конкурсные управляющие и иные участвующие лица

будут действовать недобросовестно исключать нельзя. Тем более, в российских реалиях, допускающих в качестве нормы обращение к процедурам несостоятельности (банкротства) в корыстных целях. Несмотря на то, что законодатель и суды пытаются ставить «заслон» совершению различных злоупотреблений, они все равно проявляются.

Учитывая это можно предположить, что все предстоящие работы по совершенствованию законодательства о банкротстве должны преследовать основную цель – создание механизма, в рамках которого добросовестное исполнение имеющихся обязательств будет более выгодным, чем обращение к банкротству. Данный институт должен иметь статус исключительного.

Правы авторы, которые говорят о том, что механизм несостоятельности – это не средство по удовлетворению имущественных потребностей участников гражданского оборота; именно на искоренение подобного понимания необходимо ориентироваться в целях снижения числа злоупотреблений при банкротстве [63, ст. 126]. Примечательно, что ранее арбитражные суды преимущественно придерживались данной позиции. К примеру, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 12 февраля 2001 г. № А05-8271/00-496/15 судьи обращали особое внимание на то, что производство по делу о банкротстве является исключительным порядком удовлетворения требований кредиторов посредством ликвидации должника. Следовательно, если кредитор не использует все законные средства защиты своих прав, т.е. не пытается по правилам искового производства получить возмещение, а сразу обращается в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом, то такие действия заявителя следует рассматривать в качестве злоупотребления правом, влекущего отказ в принятии заявления [83].

Представляется, что такой подход должен быть возвращен в арбитражную практику в качестве образца, приоритета. Институт банкротства, как правильно указывает С.А. Карелина, нельзя использовать только как средство поддержания неплатежеспособных должников [25, ст. 43]. Напротив, оно должно служить исключению из гражданского оборота

ненадежных контрагентов, а также способствовать восстановлению финансовой стабильности лиц, которые действительно в этом нуждаются.

Конечная цель конкурсного производства, как уже не раз было сказано по ходу работы, заключается в сохранение баланса равнонаправленных интересов потенциальных участников возникающих правоотношений, который напрямую зависит от способности должника в максимальном объеме удовлетворить все имеющиеся требования и освободиться от долгов. Не вызывает сомнения, что данная цель может быть достигнута, только если все заинтересованные лица будут вести себя добросовестно.

Заключение

По результатам проведения комплексного исследования законодательства о конкурсном производстве и практики его применения удалось сформулировать следующие выводы и предложения.

Конкурсное производство – это традиционная процедура банкротства, имеющая в Российской Федерации наибольшее распространение.

Ее основное отличие от иных процедур, к примеру, финансового оздоровления и внешнего управления, проявляется в том, что вторые предполагают сохранение должника в качестве субъекта правоотношений, первая же может влечь за собой ликвидацию неплатежеспособного должника, причем, если им является юридическое лицо, – полное прекращение существования как субъекта права.

Нормативно-правовую основу конкурсного производства в настоящее время составляет Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Структурно он состоит из 15 глав, разных по своему наполнению и содержанию. Некоторые из них были введены в текст Закона относительно недавно. Вообще, стоит отметить, что данный акт подвергается постоянным видоизменениям. Поправки, иногда достаточно революционные (меняющие концепцию), вносятся в него на регулярной основе. Всего к настоящему времени изменения в Закон о банкротстве 2002 г. внесены 119 федеральными законами, последние по времени коррективы состоялись 20 апреля 2021 г. Такое повышенное внимание законодателя можно признать логичным, учитывая, что правоотношения конкурсного производства носят крайне высокий конфликтогенный характер.

В Законе о банкротстве 2002 г. применяется традиционный подход – проводить классификацию всех должников на две группы, по критерию особых характеристик деятельности: должники, имеющие обычный статус (на них распространяются общие правила, разработанные для регламентации конкурсных отношений), и должники, входящие в особую (отдельную)

категорию (в их отношении вырабатываются специфические правила, обусловленные сферой деятельности и/или видом права собственности на имущество, позволяющие наиболее эффективно достичь конечных целей конкурсного производства). Особая регламентация конкурсного производства сегодня введена в отношении: градообразующих организаций, сельскохозяйственных организаций, финансовых организаций (при выделении отдельно страховых компаний, негосударственных пенсионных фондов, банков и др.), предприятий (организаций) стратегического значения, субъектов естественных монополий, застройщиков, участников клиринга и их клиентов. Этим правоотношениям полностью посвящена глава IX Закона о банкротстве 2002 г.

В рамках настоящей работы самое пристальное внимание уделено рассмотрению нового §7 глава IX, устанавливающего порядок банкротства застройщиков. В первую очередь, указано на важность и актуальность появления данных норм, их позитивный характер в целях защиты лиц, вкладывающих денежные средства в строительство недвижимого имущества. При этом, также выделены имеющиеся в Законе о банкротстве 2002 г. ограничения. Предложено их устранить посредством наделения участников строительства правом обращаться с заявлением об их внесении в реестр требований о передаче помещений, по поводу: квартир в домах блокированной застройки, включающих два блока; а также коттеджей, при условии наличия общего проекта застройки территории, создания единой жилищно-коммунальной инфраструктуры, аккумулирования денежных средств, уплачиваемых участниками строительства, направляемых на благоустройство территории.

Также рассмотрен вопрос возможного пополнения главы IX Закона о банкротстве 2002 г. еще одной главой – «Банкротство предпринимательской группы». Отмечено, что подобного рода нормы крайне востребованы, Верховный Суд РФ не единожды высказывался по этому поводу. Законодательное оформление уже сформированной судебной практики будет

соответствовать интересам кредиторов, а также государства, в целом. Поскольку случаи банкротства лиц, входящих в предпринимательские объединения, в настоящее время являются более распространенными, чем, например, банкротства градообразующих предприятий. Между тем, в отношении последних специальные нормы есть, а в отношении первых – нет.

Еще одна значимая черта Закона о банкротстве 2002 г. – установление особого (упрощенного) порядка банкротных процедур отдельных категорий должников. Он зафиксирован в специальной главе XI Закона, распространяющейся на ситуации, связанные с банкротством: ликвидируемых должников (§ 1), отсутствующих должников (§ 2), а также специализированных обществ и ипотечных агентов (§ 3 – введен 21 декабря 2013 г.). Во всех названных случаях упрощенного банкротства, помимо собственно специальных норм гл. XI Закона о банкротстве 2002 г., применению подлежат и общие нормы гл. VII этого же Закона. Это позволяет говорить о том, что, по сути, предусмотренные законодателем упрощенные процедуры банкротства – это классическое конкурсное производство, но с некоторыми исключениями, связанными, в первую очередь, с этапом инициирования процесса.

Большое внимание в Законе о банкротстве 2002 г. уделяется определению правового статуса (положения) таких важных участников конкурсного производства, как: должник, кредиторы, уполномоченные органы, арбитражные управляющие. При этом, по ходу настоящей работы установлено, что значительные нарекания сегодня вызывает деятельность последних. Вместе с тем, именно от добросовестных и экономически обоснованных действий арбитражных управляющих зависит то, насколько эффективными в итоге будут процедуры банкротства и степень удовлетворения требований кредиторов. Учитывая наличие злоупотреблений со стороны арбитражных управляющих, рост числа обращений в арбитражные суды по поводу обжалования их действий, в научной и экспертной среде не утихают разговоры по поводу необходимости продолжения

совершенствования Закона о банкротстве 2002 г. в части усиления их независимости. В русле данной тенденции в 2018 г. Минэкономразвития России даже был подготовлен соответствующий законопроект, которым предложено и разделение арбитражных управляющих и должников на группы, и введение системы случайного выбора арбитражных управляющих из Регистра арбитражных управляющих, формируемого Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. Представляется, что в случае его утверждения повысится уровень защиты прав и интересов лиц, участвующих в производстве по делам о банкротстве.

В части нововведений о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, появившихся в Законе о банкротстве 2002 г. в 2017 г. в виде норм гл. III.2, установлена их положительная направленность. Институт привлечения такой категории лиц к субсидиарной ответственности уже стал действенным дополнительным средством, направленным на предоставление защиты правам и интересам кредиторов. Однако, в любом случае важно понимать, что обращение к положениям гл. III.2 Закона о банкротстве 2002 г. должно носить исключительный характер. Общее правило, гласящее, что для привлечения к имущественной ответственности субъект должен обладать формально юридическими основаниями на выступление в гражданских правоотношениях от имени и в интересах юридического лица, должно оставаться преобладающим.

С учетом того значения, которое и законодатель, и правоприменительная практика придают конкурсному производству, предполагается, что требования о порядке его открытия и проведения должны иметь достаточно разработанный вид. В Законе о банкротстве 2002 г. конкурсному производству посвящены нормы гл. VII (ст.ст. 124-149). Их изучение позволяет заключить, что основное предназначение конкурсного производства сводится к управлению активами должника, сбору и взысканию прав требования, реализации имущества (извлечение его стоимости), другими словами, переводу конкурсной массы в деньги. Все это сфера ответственности

конкурсного управляющего, который в идеале должен совершить все эти действия достаточно оперативно и качественно. Следующая цель конкурсного производства прямо вытекает из первой – распределить образованную в итоге денежную массу между кредиторами, соблюдая, при этом, их очередность, закрепленную Законом, и пропорциональность в рамках одной очереди. Достижению этих двух целей преимущественно и подчинены все предусмотренные Законом о банкротстве 2002 г. последствия открытия конкурсного производства.

При этом, в данном Законе не устанавливается предельный срок, в течение которого конкурсное производство должно быть окончено. По ходатайству конкурсного управляющего арбитражный суд вправе продлевать предусмотренный шестимесячный срок неограниченное число раз. Что следует признать правильным подходом. Любое конкурсное производство – это уникальный процесс, сводить его к какой-либо единой модели нельзя. Задача законодателя – с одной стороны, установить четкие границы конкурсного производства, за которые нельзя выходить, а, с другой стороны, оставить все нюансы на усмотрение участников дела и, что самое верное, арбитражного суда.

После принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и введении в отношении него конкурсного производства возможны два итога: прекращение конкурсного производства и завершение конкурсного производства, что не является одним и тем же. Прекращению посвящена ст. 146 Закона о банкротстве 2002 г., в свою очередь, завершению – ст. 149 этого же Закона. Из них следуют различные правовые последствия. Самые значимые из них связаны с завершением конкурсного производства. В результате рассмотрения арбитражным судом отчета конкурсного управляющего выносится определение о завершении конкурсного производства, которое является основанием для внесения в ЕГРЮЛ записи о том, что должник ликвидирован, прекращен.

Основополагающее правовое последствие ликвидации юридического лица, в том числе, и как итога конкурсного производства, закреплено в ч. 1 ст. 61 ГК РФ – это полное и бесповоротное прекращение его существования в качестве субъекта любых правоотношений (обязательственных, налоговых, трудовых и т.д.). Однако, тем самым, не исключается возможность привлечения руководителей, участников должника и контролирующих его лиц к субсидиарной ответственности, а также к ответственности, связанной с возмещением убытков. Такой подход видится обоснованным и справедливым, но при обязательном соблюдении правила о том, что в каждом конкретном случае суд должен выяснять все обстоятельства дела, в том числе, сроки исковой давности, их начало и окончание, мотивируя свое решение ссылками на примененные нормы.

Одна из существенных проблем действующей модели конкурсного производства – наличие значительного количества злоупотреблений должников, кредиторов, арбитражных управляющих на всех стадиях, особенно, при реализации имущества должника. Несмотря на то, что законодатель и суды пытаются ставить «заслон» совершению различных злоупотреблений, они все равно проявляются.

Учитывая это, в качестве основного вывода работы формируется утверждение о том, что все предстоящие работы по совершенствованию законодательства о банкротстве должны преследовать основную цель – создание механизма, в рамках которого добросовестное исполнение имеющихся обязательств будет более выгодным, чем обращение к банкротству. Данный институт должен иметь статус исключительного.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акинфеева В.В. Особенности банкротства отсутствующего должника Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.): Избранные материалы / Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 150; 2020. – № 50 (ч. 3). – Ст. 8073.
3. Алимова Я.О., Викторова Н.Н., Галкин С.С. и др. Банкротство хозяйствующих субъектов: Учебник для бакалавров / Отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. – М.: Проспект, 2016
4. Афанасьева Е.Г., Белицкая А.В., Вайпан В.А. и др. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: Монография / Отв. ред. Е.П. Губин. – М.: Юстицинформ, 2019.
5. Баранова А.Б. Внесудебное банкротство граждан: pro et contra. Компаративный анализ процедуры освобождения от долгов в России, США, Германии и Великобритании // Право и бизнес. – 2021. – № 1.
6. Баранова А.Б., Бобылева А.З., Вайпан В.А. и др. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: Монография / Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. – М.: Юстицинформ, 2020.
7. Баринов А.М., Бушев А.Ю., Городов О.А. и др. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / Под ред. В.Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2017.
8. Барциц И.Н., Быков В.П., Черникова Е.В., Маркелова И.В. Правовое регулирование прав конкурсных кредиторов в процедурах банкротства юридических лиц // Современное право. – 2020. – № 6.

9. Белицкая А.В. Защищенность специализированного общества от банкротства // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2015. – № 4.
10. Божко М.П., Галанцев Д.А. Семь уроков корпоративных конфликтов. – М.: Проспект, 2018.
11. Витрянский В.В. Пути совершенствования законодательства о банкротстве // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 3 (приложение).
12. Галкин С.С. Прекращение производства по делу о банкротстве как правовое средство защиты должника и кредиторов // Предпринимательское право. – 2015. – № 1.
13. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А.Г. Смирных. – 2-е изд. – М.: «Издание книг ком», 2019.
14. Гордеев И.А. Условия реализации права на обращение в арбитражный суд по делам о несостоятельности (банкротстве) // Общество и право. – 2009. – № 4.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2021. – № 11. – Ст. 1698.
16. Егоров А.В. Конкурсное производство: комментарий ключевых моментов // Вестник гражданского права. – 2019. – № 1.
17. Енькова Е.Е. Конкурсное производство как процедура банкротства // Закон. – 2013. – № 8.
18. Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» (утратил силу) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1. Ст. 6.
19. Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: Учебное пособие. – М.: Юстиция, 2018.

20. Инхиреева М.Н. Особенности правового положения кредиторов при банкротстве специализированного общества и ипотечного агента // Банковское право. – 2015. – № 5.
21. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30.05.2005 № 92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком» // Вестник ВАС РФ. – 2005. – № 7.
22. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 06.08.1999 № 43 «Вопросы применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в судебной практике» // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 10.
23. Каменков В.С. История развития законодательства о банкротстве в России и Беларуси // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 3.
24. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // Вестник Московского университета. – Сер. 11: Право. – 2016. – № 6.
25. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008.
26. Карелина С.А., Фролов И.В. К вопросу о моделях классификации кредиторов в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 6.
27. Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: Монография. – М.: Юстицинформ, 2018.
28. Карелина С.А., Фролов И.В. Современная модель арбитражного управления в Российской Федерации // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2019. – № 3.
29. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. – 2012. – № 3.

30. Кашайкина О.Г. Особенности криминального банкротства в истории отечественного уголовного законодательства (XIX – XX вв.) // История государства и права. – 2014. – № 5.
31. Кондрашова П.С. Бездействие арбитражного управляющего в деле о банкротстве управляющей компании (в сфере ЖКХ) // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 6.
32. Кононова Л.А. Порядок выбора кандидатуры арбитражного управляющего в целях утверждения в деле о несостоятельности (банкротстве) как гарантия ее независимости // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 10.
33. Костина О.В., Любанов В.Е. Реализация принципа добросовестности в делах о несостоятельности (банкротстве) наследственной массы // Современный юрист. – 2019. – № 1.
34. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): Монография. – М.: Проспект, 2017.
35. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): Монография. – М.: Инфотропик Медиа, 2015.
36. Кудинова М.С. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при реализации имущества несостоятельной организации // Арбитражные споры. – 2020. – № 2.
37. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву (серия «Классика российской цивилистики»). – 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2004.
38. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: Монография. – М.: Проспект, 2019.
39. Лаутс Е.Б. Правовые аспекты антикризисного регулирования рынка банковских услуг и институт банкротства кредитных организаций: Монография. – М.: Юстицинформ, 2018.

40. Лукьянчикова Е.Н. Банкротство застройщика: участники долевого строительства не в равных условиях // Российский юридический журнал. – 2019. – № 6.
41. Лутфуллин Л.З. Обзор изменений законодательства и судебной практики в сфере несостоятельности (банкротства) в 2015 г. // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 6.
42. Малов А.А., Подольский Ю.Д., Русинова Е.Р. и др. Участие адвоката в гражданском процессе: Учебное пособие для магистрантов / Под ред. Н.А. Чудиновской. – М.: Статут, 2020.
43. Марков П.А. Реорганизация коммерческих организаций: проблемы теории и практики: Монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2012.
44. Митин Е.А. Банкротство физических лиц: упрощенный порядок и иные нововведения 2020 года // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 1.
45. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 4.
46. Несостоятельность (банкротство): Научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / Под ред. В.В. Витрянского. – М.: Статут, 2010.
47. Никитина О.А. Конкурсное производство // Арбитражная практика. – 2003. – № 6.
48. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 (ред. от 26.12.2018) // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

49. Определение Верховного Суда РФ от 16.03.2021 № 308-ЭС19-16404(4) по делу № А63-6952/2018 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

50. Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2019 № 306-ЭС18-9798(2,3) по делу № А65-1813/2017 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

51. Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2019 № 305-ЭС18-16329 по делу № А54-4604/2018 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

52. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2018 № 305-ЭС18-13376 по делу № А40-71340/2017 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

53. Определение Верховного Суда РФ от 05.10.2016 № 304-ЭС16-12598 по делу № А03-22360/2014 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

54. Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2016 № 305-ЭС14-3834 по делу № А40-119763/2010 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

55. Определение ВАС РФ от 16.05.2011 № ВАС-4518/11 по делу № А65-38050/2009 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

56. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-

7886/2016 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

57. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.02.2019 № 305-ЭС18-18943 по делу № А41-78388/2016 от 28.02.2019 № 305-ЭС18-18943 по делу № А41-78388/2016 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

58. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.10.2018 № 305-ЭС18-9321 по делу № А40-185113/2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 12.

59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.12.2016 № 308-ЭС16-12236 по делу № А32-4823/2010 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

60. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.12.2015 № 307-ЭС15-5270 по делу № А21-337/2013 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

61. Олевинский Э.Ю. Причины наиболее частых случаев злоупотребления правом в делах о банкротстве // Закон. – 2020. – № 9.

62. Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. – М.: Статут, 2018.

63. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): Монография / Под ред. О.А. Беляевой. – М.: Юстицинформ, 2020.

64. Павлодский Е.А. Саморегулируемые организации: мода или тенденции // Право и экономика. – 2003. – № 3.

65. Постановление Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» (ред. от 21.07.2017) // СЗ РФ. – 2004. – № 23. – Ст. 2310; 2017. – № 31 (ч. 2). – Ст. 4918. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

67. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.

68. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» (ред. от 25.12.2018) // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 9; Российская газета. – 2019. – № 1.

69. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.12.2009 № 91 «О порядке погашения расходов по делу о банкротстве» (ред. от 06.06.2014) // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 2; 2014. – № 8.

70. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» (ред. от 06.06.2014) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

71. Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2005. – № 3.

72. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 15636/13 по делу № А41-5150/11 // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 11.

73. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 № 6083/12 по делу № А40-114306/11-93-1021 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 2.

74. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.04.2012 № 14140/11 по делу № А27-17017/2009 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.

75. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.12.2007 № 6615/07 по делу № А27-8465/2006-2 // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 3.

76. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2021 № Ф05-25633/2019 по делу № А41-61985/2018 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

77. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.03.2019 № Ф09-3031/18 по делу № А60-53689/2016 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

78. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.02.2019 № Ф06-29750/2018 по делу № А65-1813/2017 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

79. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.12.2017 № Ф06-20208/2017 по делу № А49-9362/2015 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

80. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.12.2015 № Ф09-12527/12 по делу № А07-7302/11 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

81. Постановление ФАС Московского округа от 10.04.2014 № Ф05-2965/14 по делу № А41-36496/13 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

82. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 10.09.2007 № Ф08-5777/2007 по делу № А63-15086/2006-С2 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

83. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 12.02.2001 № А05-8271/00-496/15 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

84. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2019 № 13АП-34853/2018 по делу № А56-18537/2017/тр.28 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

85. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2018 № 11АП-12435/2018 по делу № А65-1813/2017 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

86. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2014 по делу № А66-3635/2010 // Документ опубликован не был.

СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

87. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.09.2011 № 07АП-7156/11 по делу № А27-4199/2011 // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

88. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» в части повышения гарантий независимости, добросовестности и компетентности арбитражного управляющего в ходе дела о банкротстве» (подготовлен Минэкономразвития России, не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.05.2018) // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

89. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // Документ опубликован не был. СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 29.05.2021).

90. Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. – 2018. – № 4.

91. Правовое регулирование экономических отношений. Несостоятельность (банкротство) / Под ред. Е.П. Губина, С.А. Карелиной. – М.: Статут, 2018.

92. Предпринимательское (хозяйственное) право / Отв. ред. О.М. Олейник. – М.: Юристъ, 1999.

93. Разумов И.В. Законодательство о банкротстве требует не точечного, а системного реформирования // Вестник АС Московского округа. – 2019. – № 3.

94. Распоряжение Правительства РФ от 13.08.2013 № 1414-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» (в новой редакции)» (утратило силу) // СЗ РФ. – 2013. – № 33. – Ст. 4422.

95. Решение Арбитражного суда города Москвы от 04.08.2017 по делу № А40-13997/17-58-118 // Документ опубликован не был. Картотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/4c54e4ce-f1dd-4241-942a-34e948a8aeba> (дата обращения: 29.05.2021).

96. Решение Арбитражного суда города Москвы от 11.07.2016 по делу № А40-56167/16-48-620 // Документ опубликован не был. Картотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/760fa1c8-ac1f-44d4-91cc-1c5b734e0da8> (дата обращения: 29.05.2021).

97. Санташов А.Л., Попович М.М. Дифференциация ответственности арбитражного управляющего при проведении процедуры банкротства предприятия // Российская юстиция. – 2020. – № 10.

98. Светличный А.В. Процедура банкротства проще упрощенной // Юрист. – 2016. – № 21.

99. Свириденко О.М. Зарождение институтов конкурсного процесса в римском праве // Журнал российского права. – 2005. – № 6.

100. Середа И.М., Середа А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: Монография. – М.: Статут, 2020.

101. Смирнов Р.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства): Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004.

102. Скорова А.С. Кто ответит за доведение до банкротства должника-гражданина? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 4.

103. Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014-2018 гг. – М.: Статут, 2019. – Вып. 2.

104. Суворов Е.Д. Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014-2015): акты и комментарии. – М.: Статут, 2016.

105. Статистика по государственной регистрации ЮЛ и ИП в целом по Российской Федерации // Официальный сайт ФНС России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/m77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats/ (дата обращения: 29.05.2021).

106. Ткачев В.Н. Несостоятельность (банкротство) особых категорий субъектов конкурсного права: теоретические и практические проблемы правового регулирования. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zahvat.ru/media/bookshelffile/original/34028.pdf> (дата обращения: 29.05.2021).

107. Федеральный закон от 25.12.2018 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 53 (ч. 1). – Ст. 8404

108. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (ч. 1). – Ст. 4815.

109. Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» // СЗ РФ. – 2013. – № 51. – Ст. 6699
110. Федеральный закон от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 4.
111. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 20.04.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190; 2021. – № 17. – Ст. 2878.
112. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (ред. от 27.10.2020) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. 1). – Ст. 3431; 2020. – № 44. – Ст. 6892.
113. Федеральный закон от 25.02.1999 № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (утратил силу) // СЗ РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1097.
114. Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу) // СЗ РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 222.
115. Филиппов А.С. Банкротство ликвидируемого должника: как это работает // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 6.
116. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – М.: Статут, 2000.
117. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: В 4-х т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. – М.: Юрайт, 2019.
118. Шишмарева Т.П. Замещение активов и продажа предприятия должника как правовые средства санации // Право и бизнес. – 2021. – № 1.
119. Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7.

120. Companies Act 2006 // UK public General Act. – 2006. – Chapter 9.
121. Document «In re payment card interchange fee and merchant discount antitrust litigation» from United States district Court eastern district of New York dated September, 6, 2018 № 05-MD-1720 (MKB) (JO). – [Electronic resource]. – URL:<https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1141391/000114139118000119/ex101-mdlclasssettlement.htm> (date of treatment: 18.10.2021)
122. Insolvency Statute (Insolvenzordnung (InsO)) // German Law Act. – 1994.
123. Jason J. Kilborn. Fatal flaws in financing personal bankruptcy: The curious case in Russia in comparative context // American bankruptcy law journal. – 2020. – № 94.
124. Jared A. Ellias, Robert J. Stark. Bankruptcy Hardball // California law review. – 2020. – № 108.
125. The United States Bankruptcy Code // USA general act. – 1978. – Title 11.